

Даже самый
тихий голос
однажды может
прозвучать громче
любых насмешек...

ПЕСНЯ ЛУННОГО РАССВЕТА

ЛИРА ТЕСС

Ли́ра Тесс

Песня лунного рассвета

<https://litres.ru/74442963>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если твоё происхождение — единственное, что, по мнению окружающих, делает тебя недостойной мечты?

Элара Вейн — дочь кузнеца. Она не унаследовала древний титул, не выросла среди роскоши и не знает правил, по которым живут наследники великих домов. Всё, что у неё есть, — острый ум, упрямство, любовь к знаниям и магия, которую она сама до конца не понимает.

«Песня Лунного Рассвета» — история о девушке, которая пришла в мир избранных без права на место среди них и постепенно поняла, что ей не нужно ничьё разрешение, чтобы занять своё.

Здесь будут магическая академия, музыка, соперничество, дружба, предательство, медленно рождающаяся любовь и тот самый момент, когда человек, которого привыкли недооценивать, заставляет замолчать целый зал.

А ещё — рассвет, который начинается с одной-единственной ноты.

Содержание

Глава 1. Пепел и книги	4
Глава 2. Дорога к свету	17
Глава 3. Свет и вода	30
Глава 4. Собрание	41
Глава 5. Разные направления и один наставник	60
Глава 6. Тонкий яд	74
Глава 7. То, что нельзя сдержать	88
Глава 8. За одним столом	111
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Ли́ра Тесс

Песня лунного рассвета

Глава 1. Пепел и книги

Я помню запах раньше, чем лица. Горячий металл. Угольная пыль, которая оседала на коже тонким серым налётом. Сушёная мята и тысячелистник, которые Мама развешивала связками под потолком. В нашем доме на окраине Редстоуна эти запахи жили постоянно, как члены семьи. Они встречали меня утром, провожали вечером и даже во сне оставались где-то рядом – тёплые, привычные, свои.

Редстоун стоял у самого подножия Серых Хребтов – длинной цепи гор, которые тянулись на многие лиги с севера на юг, будто кто-то когда-то провёл по земле огромным серым пальцем. Горы здесь были невысокими, но упрямыми. Их вершины почти всегда скрывались в низких облаках, а склоны покрывал редкий, жёсткий лес. Местные говорили, что Серые Хребты помнят Войну Пепла лучше любых книг. Именно здесь, триста лет назад, последние свободные маги пытались удержать линию, когда столичные дома уже вовсю жгли друг друга. Горы тогда почернели от копоти и пепла. С тех пор их так и называют – Серые.

Люди в Редстоуне жили просто. Улицы мостили необра-

ботанным камнем, крыши крыли тёмной черепицей, а по вечерам из труб поднимался дым, смешиваясь с туманом, что медленно полз с реки. Магии здесь хватало ровно столько, чтобы зажигать уличные фонари да лечить лёгкие раны. Настоящую силу считали чем-то далёким и почти сказочным. Её берегли столичные академии и знатные дома. У нас же магия была рабочей – как молот, как игла, как лопата.

Наш дом стоял чуть в стороне от основных улиц, рядом с кузницей. Отец, Торен Вейн, работал с рассвета до заката. Он был широким, молчаливым человеком с руками, покрытыми старыми ожогами и мозолями. Говорил мало, но когда говорил – каждое слово ложилось тяжело и точно, будто он и речь ковал так же тщательно, как подковы. Мама, Лира, была его полной противоположностью. Худенькая, быстрая, с вечно пахнущими травами пальцами и тихим голосом, который умел успокаивать даже самых беспокойных больных. Она лечила соседей, сушила растения на чердаке и иногда, по вечерам, садилась за старый клавесин.

А я была между ними.

Тёмные волосы до лопаток, которые вечно норовили выбиться из простой косы. Веснушки на носу и щеках – наследство матери. Серо-зелёные глаза, которые отец называл «слишком внимательными для кузнечной дочки». Руки сильные, с лёгкими шрамами от искр и ножей для трав. Платья я носила простые, тёмные, чтобы грязь и сажа были менее заметны. Красивой себя не считала. Просто удобной. Я

выглядела соответственно месту.

Мои дни начинались рано.

Ещё до того, как солнце касалось вершин Серых Хребтов, я уже была на ногах. Сначала помогала матери: разжигала очаг, ставила воду, разбирала связки трав, которые за ночь отсырели. Потом шла в кузницу.

Отец редко просил о помощи вслух. Он просто оставлял мне место. Я подавала ему заготовки, держала щипцы, когда нужно было перевернуть раскалённую полосу, подметала угольную пыль, следила, чтобы меха не ослабли. А когда мне исполнилось двенадцать, я начала помогать иначе.

Огонь внутри меня проснулся именно тогда. Я разозлилась на заевший замок старого сундука – и тонкая струйка пламени вырвалась из ладони, оплавив металл. Я стояла, глядя на раскалённую лужицу, и сердце колотилось так сильно, что казалось – вот-вот выпрыгнет. Мама тогда вздохнула, достала из кармана фартука пузырёк с охлаждающим настоем и сказала:

– Значит, пошла в деда. Элара, милая, только давай без пожаров. Мы только-только крышу починили.

С того дня я училась держать пламя. Сдерживать. Прятать. Он был горячим, нетерпеливым, всегда готовым вспыхнуть от любой эмоции. В мире Аурелии магия делилась на аффинитеты. Основные – огонь, вода, воздух, земля. Редкие – свет, тень, звук. Огонь был боевым, эмоциональным, быстрым. Он любил гнев и страх. Контроль требовал железной

воли. Чем сильнее всплеск, тем выше риск «отката» – когда сила вырывалась сама и жгла хозяина изнутри.

В кузнице мой огонь оказался полезным.

Я научилась поддерживать температуру горна чуть ровнее, чем это получалось у обычных мехов. Когда отец работал над особенно тонкой вещью – замком, пряжкой, лезвием для целителя, – я вставала рядом и тихо направляла тепло. Не ярко. Не напоказ. Просто добавляла ровности. Металл слушался лучше. Отец никогда не говорил об этом вслух при чужих. Но иногда, когда мы оставались одни, он кивал на раскалённую полосу и коротко бросал:

– Чуть горячее слева. Да. Вот так, умница.

И в этих словах было больше тепла, чем в любых долгих речах.

Мама тоже принимала мою магию спокойно. Она лишь следила, чтобы я не перенапрягалась, всегда раскладывала охлаждающие мази и настои по моим карманам, и иногда бурчала:

– Только не вздумай показывать это городским мальчишкам. Им и обычного огня хватает, чтобы глупости делать.

По вечерам, когда кузница закрывалась, а травы уже были разложены, мы собирались в маленькой гостиной. Отец сидел у окна и чинил что-нибудь мелкое. Мама ставила чай. А я либо читала, либо, если оставалась совсем одна, тихо напевала.

Старый клавесин стоял в дальнем углу нашей маленькой

гостиной. Когда-то его привезли в обмен на работу отца – богатый купец расплатился инструментом вместо монет. Мама умела играть. Она садилась и пальцы её порхали по клавишам, будто вспоминали что-то далёкое. Учила меня. Сначала гаммы, потом мелодии, похожие на ветер, который гуляет между скал Серых Хребтов. Петь я начала сама. Только когда оставалась совсем одна. Голос выходил странный – глубокий, чистый, с каким-то внутренним звоном. Я думала, что это просто от природы, но и стеснялась до дрожи. Прятала, как прятала огонь.

Иногда, когда отец уже спал, а Мама ещё не погасила лампу, она смотрела на меня поверх чашки и тихо спрашивала:

– Ты сегодня пела?

Я всегда отвечала:

– Немного.

Она кивала и больше ничего не говорила. Но в её глазах было понимание.

А ещё были книги.

Городская библиотека в Редстоуне была небольшой и почти всегда пустой. Библиотекарь – старый, сухой человек – сначала ворчал, когда я приходила слишком часто, а потом просто оставлял мне ключ от дальнего шкафа. Там хранились обгоревшие свитки и потрепанные тома, которые никто не брал. А когда и этого стало мало, я начала ходить за городскую стену – в старые архивы, которые остались ещё со времён Войны Пепла. Там, среди пыли и крысиных следов, я

находила обрывки знаний. Формулы. Описания аффинитетов. И однажды – несколько страниц о голосовой магии.

Древней. Почти забытой. Способной ткать иллюзии, влиять на эмоции, даже менять пространство. Считалась нестабильной и редкой. Я тогда только пожала плечами. У меня был огонь. Этого хватало.

Так проходили годы. Я росла между молотом и травами, между жаром горна и тихими вечерами у клавесина. Отец учил меня точности. Мама – мягкости. А Серые Хребты каждый день стояли на горизонте молчаливым напоминанием о том, что даже после самого страшного пожара земля всё равно продолжает жить.

В семнадцать лет я узнала, что столичная Академия Аурелии раз в год проводит открытые испытания. Принимает не только покровительство и деньги. Теория, руны, контроль базовой магии.

Я готовилась два года. Как могла, как успевала. Просто каждый день понемногу отбирала время у сна, у работы и у тех редких часов, когда можно было просто сидеть без дела.

Сначала я думала, что достаточно будет книг. Читала всё, что могла достать. Сидела ночами над свитками из старых архивов, переписывала формулы, учила руны наизусть, пока глаза не начинали гореть. Теорию я впитывала жадно – историю аффинитетов, строение щитов, принципы стабилизации потока. Но очень скоро поняла: одних знаний мало. Огонь не слушается того, кто только читал о нём.

Тогда я начала тренироваться сама. Рано утром, ещё до того, как отец разжигал горн, я уходила за дом – туда, где начинался редкий лес у подножия Серых Хребтов. Там, между старых камней, я училась вызывать пламя маленькими, точными порциями. Сначала просто шар на ладони. Потом – удерживать его минуту, две, пять, не давая разрастаться. Потом – менять форму: вытягивать в тонкую нить, сжимать в плотную искру, рассеивать почти до невидимости.

Я придумывала себе задания, каждый раз пытаюсь их усложнить. Зажигать свечу на расстоянии вытянутой руки – и тут же гасить, не оставляя даже дымка. Нагревать металлический прут ровно до той температуры, когда он начинает мягко светиться, но ещё не краснеет. Держать пламя внутри ладони так, чтобы снаружи кожа оставалась лишь чуть тёплой. Самое сложное было не создать огонь, а вовремя его отпустить. Полностью. Без остатка.

Именно тогда я впервые по-настоящему поняла, что огонь – это не только сила.

Однажды зимой, когда я слишком сильно разозлилась на очередную неудачу, пламя вырвалось резко и жадно. Оно не просто вспыхнуло – оно рванулось вверх, опалив нижние ветки сосны и оставив на снегу чёрный оплавленный круг. Жар ударил мне в лицо так, что на мгновение перехватило дыхание. А потом пришёл откат. Острая, жгучая боль разлилась по рукам и груди, будто кто-то изнутри провёл раскалённой проволокой. Я села прямо в снег и долго дышала

через стиснутые зубы, пока дрожь не отпустила.

В тот день я впервые испугалась собственного аффинитета по-настоящему. Не чужого огня. Своего.

С этого момента тренировки стали другими. Я уже не пыталась сделать пламя больше или ярче. Я училась делать его тише. Послушнее. Я заставляла себя вызывать огонь в момент усталости, в момент раздражения, даже когда руки дрожали от холода – и каждый раз удерживать его ровным. Иногда специально злила себя воспоминаниями о насмешках городских мальчишек или о том, как библиотекарь когда-то отказал мне в редкой книге. И тут же требовала от пламени послушания. Контроль. Полный. Без права на вспышку.

По вечерам, когда возвращалась домой, отец иногда молча смотрел на мои руки и проверял нет ли новых ожогов. Мама ставила на стол миску с охлаждающим отваром и больше ничего не спрашивала. Они оба понимали, чем я занимаюсь. И оба молча давали мне это делать.

К концу второго года я уже могла удерживать учебный шар почти четверть часа без единой дрожи. Могла погасить его мгновенно. Могла провести тонкую линию огня по металлу так, чтобы остался только едва заметный нагрев. Я всё ещё не доверяла своей силе полностью. Но теперь хотя бы знала: если пламя снова попытается вырваться, у меня будет шанс его остановить.

А потом пришло время испытаний. Испытания проводила выездная комиссия.

Раз в год Академия Аурелии отправляла небольшие группы экзаменаторов в крупные города провинций – туда, где ещё оставались люди, способные добраться без фамильного экипажа и протекции. До ближайшего такого города, Каменного Брода, от Редстоуна было полдня пути. Мы выехали с отцом на рассвете на той же одолженной телеге, в которой обычно возили уголь и готовые изделия. Мама осталась дома – кто-то должен был присмотреть за кузницей и больными в лазарете. На прощание она крепко сжала мою руку и тихо сказала:

– Дыши. И не смотри по сторонам больше, чем нужно.

Каменный Брод оказался совсем другим. Широкие мощёные улицы, двухэтажные дома с резными наличниками, шум рынка и запах свежего хлеба, который перебивал даже привычный мне запах металла. Комиссию разместили в старом здании городской управы – высоком, с колоннами и большими окнами. Во дворе уже толпились претенденты.

Их было больше, чем я ожидала.

Сыновья и дочери местных торговцев в новой одежде, подростки из более дальних деревень с загорелыми лицами и неуверенными глазами, несколько человек явно из обедневших дворянских семей – с гербами на плащах, но потёртыми сапогами. Я сразу почувствовала себя ещё более чужой. Моё тёмно-синее платье, перешитое матерью из двух старых, выглядело среди них особенно скромно. Отец остался во дворе. Он только коротко кивнул мне:

– Иди. Я буду ждать тебя здесь.

Внутри здания нас разделили на небольшие группы. Сначала – теория. Длинный зал с рядами деревянных парт, на каждой – чистый свиток и перо. Экзаменатор, сухощавый мужчина с серебряной прядью в волосах, диктовал вопросы. Руны базового щита. Принципы стабилизации огненного потока. Разница между аффинитетами первого и второго круга. Я писала быстро, почти не задумываясь. Всё это я уже сотни раз повторяла ночами при свете одной свечи. Иногда поднимала глаза и видела, как сосед справа – парень лет восемнадцати с тонкими нервными пальцами – кусает губы и снова и снова зачёркивает строчку. Слева девушка с тяжёлой тёмной косой сидела идеально прямо, но рука у неё слегка дрожала.

Я поймала себя на том, что переживаю за них.

Когда парень снова зачеркнул целое предложение, у меня внутри неприятно сжалось. Хотелось наклониться и тихо подсказать. Хотелось сказать: «Ты знаешь это. Просто выдохни». Но нельзя было. Ведь, если поймают за списыванием, то выгоняют двоих, без разбирательства. Я заставила себя опустить взгляд в свой свиток и продолжить. Концентрироваться на себе. Только на себе.

После теории нас вывели во внутренний двор – большой, вымощенный светлым камнем, с уже начертанными на земле учебными кругами. Здесь проходила практическая часть.

Сначала щиты. Нужно было активировать базовую защи-

ту и удержать её под лёгким давлением экзаменатора. Я справилась ровно. Щит встал как по методичке, плотный, без трещин. Рядом со мной девушка с косой на мгновение потеряла концентрацию – щит вспыхнул и погас. Она резко побледнела. Я снова почувствовала укол в груди. Хотелось подойти, сказать что-нибудь короткое и простое, чтобы ей стало хоть чуть-чуть спокойнее. Но я лишь крепче сжала пальцы и смотрела прямо перед собой.

Потом – демонстрация аффинитета. Огонь. Меня вызвали пятой.

Я вышла в центр круга. Руки слегка дрожали, но я давно научилась это прятать. Выдохнула. Вызвала шар. Маленький. Ровный. Ярко-оранжевый, без язычков и искр. Удержала его на открытой ладони ровно столько, сколько требовали, – шестьдесят ударов сердца. Потом медленно, очень медленно сжала пальцы, гася пламя так, чтобы не осталось даже дыма.

Когда я подняла глаза, экзаменатор с серебряной прядью коротко кивнул. Без улыбки. Просто кивнул.

Я отошла в сторону и только тогда позволила себе снова посмотреть на других. Запомнила троих.

Парень с нервными пальцами – тот, что сидел рядом на теории. Его звали, кажется, Эдрик. У него был воздушный аффинитет, и когда он попытался создать устойчивый поток, ветер сорвался и едва не опрокинул табличку с номером. Он сжал зубы так сильно, что на скуле выступил желвачок, и всё-

таким образом собрал поток во второй попытке. Я молча порадовалась за него.

Девушка с тяжёлой косой – Мира. Земля. Её щит во второй попытке встал идеально, но когда она создавала камень, руки заметно дрожали. После испытания она отошла к стене и долго смотрела в одну точку.

И ещё – высокий мальчишка в потёртом плаще с едва различимым гербом. Он вызвал огонь слишком резко. Шар вышел большим, нестабильным, с синими прожилками. Экзаменатор резко поднял руку, и пламя погасили принудительно. Мальчишка покраснел до корней волос. Я увидела, как он потом стоял в стороне и незаметно сжимал и разжимал кулаки.

Каждый раз, когда кто-то ошибался, внутри меня что-то неприятно сжималось. Я будто чувствовала их стыд и страх на собственной коже. Приходилось напоминать себе снова и снова: ты здесь не для того, чтобы спасти всех. Ты здесь, чтобы пройти. Дыши. Смотри только на свой круг. Только на свои руки.

К концу дня во дворе осталось меньше половины претендентов. Остальных вежливо, но твёрдо поблагодарили и отпустили. Меня попросили остаться.

Отец ждал у ворот. Когда я подошла, он просто положил тяжёлую ладонь мне на плечо и коротко спросил:

– Ну?

– Ждать, – ответила я. – Сказали, просто ждать, результа-

ты пришлют.

Он кивнул и обнял меня за плечи, давая такую нужную мне сейчас передышку. Мы молча сели в телегу и поехали обратно. Солнце уже клонилось к закату, Серые Хребты впереди темнели, становясь почти чёрными. Я сидела, глядя на дорогу, и всё ещё видела перед глазами чужие дрожащие руки, сорвавшиеся щиты и тот нестабильный огненный шар.

И только когда Редстоун показался внизу, я наконец позволила себе выдохнуть по-настоящему.

Через три мучительных для меня дня пришло письмо. Я была зачислена.

Отец обнял меня молча, крепко, пахнувший дымом и железом. Мама начала обмахивать глаза ладонями и тихо сказала:

– Только не жги там ничего лишнего, ладно? И пиши. Очень часто пиши, обо всем.

Я улыбнулась, пряча дрожь.

– Обещаю.

А за окном Серые Хребты по-прежнему стояли серые и молчаливые. Но мне впервые показалось, что где-то там, за ними, уже начинается другой свет.

Глава 2. Дорога к свету

Путь до Академии занял четыре дня.

Мы ехали на обычной телеге. Повозка была скрипучей, с жесткими сиденьями и запахом старого дерева и угольной пыли, который так и не выветрился за все годы. Но именно в этой телеге нам было особенно хорошо.

Отец почти не разговаривал в первые часы – он вообще редко говорил много. Но когда дорога стала ровнее, а Серые Хребты начали медленно отступать за спиной, он вдруг сказал:

– Смотри-ка. Облака сегодня низкие. Как будто горы их специально придерживают, чтобы не отпустить нас сразу.

Я улыбнулась. Он умел замечать такие вещи – тихо, по-своему.

Мы останавливались часто. Не потому что лошадь уставала, а потому что отец решил: раз уж это последнее совместное путешествие надолго, то незачем спешить. В первый день мы сделали привал у небольшого ручья, где вода была холодной и прозрачной. Отец достал из мешка хлеб, сыр, копченую рыбу, которую сам заготовил еще зимой, и два яблока. Мы сели прямо на траву, расстелив старое покрывало.

– Настоящий пикник, – сказал он серьезно, хотя уголки глаз у него смеялись. – В Академии тебе таких, небось, не устроят. Там все по правилам и с серебряными вилками.

– Зато здесь можно есть руками, – ответила я и демонстративно откусила огромный кусок хлеба.

Отец тихо хмыкнул. Потом вдруг достал из-под сиденья две тонкие удочки.

– А еще здесь можно ловить рыбу. Пока есть время.

Мы просидели у ручья почти два часа. Клюнуло только у него – небольшая серебристая рыбка, которую он тут же отпустил обратно.

– Пусть растет, – коротко сказал он. – Нам и так хватает.

Я смеялась. Он тоже. Редко, глуховато, но по-настоящему. В эти моменты казалось, что кузница, заказы, усталость – все осталось где-то далеко позади. Мы были просто отцом и дочерью, которые впервые за много лет могли никуда не торопиться.

На второй день остановились в небольшом придорожном селении. Хозяйка пустила нас переночевать в сарае на сене – чисто, сухо и пахло свежескошенной травой. Вечером отец развел маленький костер за околицей, и мы снова устроили пикник. На этот раз он достал из мешка глиняную бутылку с ягодным морсом, который приготовила мама.

– Она велела открыть только в дороге, – сказал отец и налил мне в кружку. – Сказала, чтобы ты не забыла вкус дома.

Морс был кисло-сладким, с мятой. Я пила медленно, стараясь запомнить.

На третий день дорога стала совсем ровной, а леса – густыми и темно-зелеными. Мы остановились у небольшого озера.

Отец снова достал удочки. На этот раз клевало у обоих. Мы жарили рыбу прямо на кольях над костром, обжигая пальцы и смеясь, когда жир шипел и брызгал искрами.

Отец долго молчал, глядя на огонь. Потом вдруг сказал:
– Когда я был чуть старше тебя, тоже учился. Не в Академии, конечно. До такой мне было далеко. В провинциальном училище на другом конце Серых Хребтов. Скромное место. Каменные стены, протекающая крыша, преподаватели, которые сами когда-то не попали в столицу. Но там было... по-честному.

Он повернул рыбу на колу, и жир снова весело зашипел.
– У меня аффинитет тени, ну, в прочем, ты знаешь. Редкий, но слабый. Тень не любит силы. Она не жжет и не ломает. Она... укрывает. Может приглушить звук шагов, сделать человека менее заметным в полумраке, чуть сдвинуть чужое внимание в сторону. Иногда – на пару мгновений стереть собственный силуэт у стены. Но только если сам остаешься спокойным. Чуть вспыхнешь – и тень разбегается, как дым на ветру. Я так и не смог развить ее дальше среднего уровня. Хватало ровно на то, чтобы в кузнице иногда не пугать лошадь резким светом горна или чтобы мама не слышала, как я возвращаюсь поздно.

Отец усмехнулся уголком рта.
– В училище над моим аффинитетом посмеивались. Говорили: «Тень – это для воров и трусов». А я просто сидел в углу и учился быть незаметным. Зато никто не лез. И книги

читал спокойно. Иногда думаю, что именно поэтому до сих пор помню почти все, чему меня учили. Когда тебя не замечают – у тебя больше времени думать.

Он посмотрел на меня долгим взглядом и вдруг улыбнулся шире обычного.

– А ты умная слишком выросла. Это плохо. Начнешь спорить со всеми подряд.

– Уже начала, – призналась я.

Отец тихо хмыкнул, откусывая кусок румяной рыбы.

– Тогда слушай внимательно. В столице будут смотреть сверху вниз. Кто-то – потому что глуп. Кто-то – потому что боится. Твоя задача не доказать им что-то. Твоя задача – не потерять себя.

Он поцеловал меня в макушку, и мы еще немного посидели обнявшись и посмеиваясь над историями, которые вспоминали. Звук наших голосов смешался с плеском воды и шорохом листьев. В эти часы дорога действительно ощущалась не прощанием, а нашим маленьким путешествием.

Чем ближе к столице, тем чаще встречались кареты с гербами. Лакированные, с запряженными в ряд лошадьми, с гербовыми знамёнами на дверцах. В одной из них я заметила девушку с рыжими волосами и солнечными веснушками. Она сидела у окна и смотрела на нашу телегу так, будто увидела пятно на белой скатерти.

Ну и ладно, подумала я. Пятно можно отстирать. А дурной характер – нет.

На четвертый день к полудню впереди показался холм. И на нём – Академия Аурелии.

Ее основали триста лет назад после Войны Пепла, когда маги чуть не сожгли континент в междоусобицах. Легендарная магесса Аурелия Светлая собрала оставшихся и создала место, где сила должна была служить знанию, а не разрушению. Сначала принимали всех талантливых. Потом знатные дома начали жертвовать золото... и постепенно академия стала почти закрытой. Но традиция открытых испытаний сохранилась – как дань основательнице.

Знать историю – одно. Увидеть – совсем другое.

Белый камень стен светился даже в пасмурный день, будто внутри него горел собственный тихий свет. Золотые шпили пронзали небо остро и чисто. Вокруг раскинулись сады, где даже в конце лета цвели серебристые розы – их лепестки мерцали слабым магическим светом, питаемые древней магией земли. Воздух здесь был густым. Чище. Насыщеннее. Будто сама магия висела невидимой дымкой и касалась кожи прохладными пальцами.

Я вошла через главные ворота пешком. С двумя сумками и письмом о зачислении. Отец остался снаружи – простым людям дальше определённой черты проходить не разрешали. Он только коротко сжал мое плечо и сказал:

– Держись. Чтобы не случилось – мы с мамой всегда на твоей стороне!

Я кивнула, чувствуя, как в горле предательски сдавливает.

– Спасибо за дорогу, – тихо сказала я. – Это был лучшее путешествие.

Отец хмыкнул, но глаза у него стали мягче обычного.

– Еще будут. Когда вернешься.

Студенты прибывали на фамильных каретах. В плащах с вышитыми гербами. В сопровождении слуг, которые несли сундуки, шкатулки, даже клетки с какими-то светящимися птицами. Я шла одна. И шепот, очень громкий шепот, услышала почти сразу.

– Это та самая... из кузницы.

– Платье странное, будто прошлогоднее.

– Совет совсем с ума сошел, если берет таких.

– Посмотрим, сколько она здесь протянет.

Я держала спину прямо. Огонь внутри шевельнулся – горячий, обидчивый. Я загнала его обратно. Глубже. Туда, где он не мог вырваться без спроса.

Во дворе перед главным зданием стояли длинные столы, за которыми сидели старшие студенты и записывали прибывших. Меня направили к столу с буквой «В». Девушка с идеальной укладкой даже не подняла глаз, когда я протянула письмо.

– Вейн. Элара. Общежитие восточного крыла, комната четырнадцать. Ключ получите у смотрительницы. Форму – на складе. Опоздаете – будете ходить в своем... тряпье.

Она произнесла последнее слово так, будто оно испачкало ей язык.

Я забрала бумажку с номером и пошла искать знакомые лица.

И нашла.

Сначала – Эдрика. Того самого парня с нервными пальцами и воздушным аффинитетом. Он стоял у колонны, держась за лямку сумки, и выглядел почти таким же потерянным, как я. Когда наши взгляды встретились, он сначала удивился, а потом неуверенно улыбнулся. Я улыбнулась в ответ – широко, по-настоящему. Внутри стало чуть теплее.

Потом увидела Миру.

Она стояла чуть в стороне, с той же тяжелой темной косой, и пыталась удержать сразу две большие сумки и сверток с книгами. Одна из сумок предательски сползала с плеча. Мира резко дернула ее обратно – и в этот момент из свертка выпала тонкая тетрадь. Ветер (совсем легкий, но здесь даже ветер казался магическим) подхватил несколько листов и понес их прямо к луже.

Я среагировала быстрее, чем успела подумать.

Тонкая струйка контролируемого тепла – едва заметная – коснулась мокрых листьев и мгновенно высушила их, не опалив. Я поймала тетрадь и протянула Мире.

– Держи. Кажется, она решила устроить побег.

Мира посмотрела на меня широко раскрытыми глазами. Потом на тетрадь. Потом снова на меня.

– Ты... с испытаний? Та, с огнем?

– Элара, – кивнула я. – А ты Мира. Земля. Я запомнила.

Она неловко улыбнулась и поправила сумку.

– Спасибо. Правда. Я уже думала, что сегодня точно все испорчу.

– Не испортишь, – сказала я просто. – Ты здесь. Значит, уже нет.

Мы пошли к восточному крылу вместе. Общежитие оказалось длинным светлым зданием с высокими окнами и узкими коридорами. Смотрительница – женщина лет пятидесяти с жестким лицом и ключами на поясе – выдала нам ключи и коротко объяснила правила: тишина после десятого удара колокола, никаких открытых очагов в комнатах, за порчу имущества отвечаете сами.

Комната четырнадцать была маленькой, но чистой. Одна кровать у стены, узкий стол, шкаф, окно с видом на серебристые розы. Я поставила сумки на пол и впервые за весь день позволила себе сесть. Ноги гудели. В груди было странное двойственное чувство: восторг от красоты вокруг – и холод, который шел не от воздуха, а от чужих взглядов.

Мира получила комнату через две двери. Через полчаса она снова появилась на пороге – уже без сумок, но с слегка растерянным видом.

– У меня... окно не открывается, – призналась она. – А там слишком душно. Я пробовала землей поддеть раму, но боюсь сломать.

Я подошла. Рама действительно заела. Старое дерево, чуть разбухшее от влажности. Я положила ладонь на стык

и очень осторожно направила тепло – ровно столько, чтобы дерево чуть подсохло и сжалось. Через минуту рама поддавалась.

Мира выдохнула с облегчением.

– Ты опять... вот так просто?

– Привычка, – пожала я плечами. – В кузнице, если что-то заедает, сначала думаешь, как не сломать.

Она тихо рассмеялась. Звук получился неожиданно теплым.

– Тогда хорошо, что ты здесь. А то я бы точно что-нибудь уничтожила в первый же день.

Мы стояли у открытого окна и смотрели на сады. Где-то внизу снова слышался смех – высокий, звонкий, чуть снисходительный. Я узнала тот самый тон, которым раньше говорили о «выскачках».

Огонь внутри шевельнулся.

Я снова загнала его глубже.

Пусть смеются. Пусть шепчутся. Я все равно здесь. С письмом о зачислении. С двумя сумками. И с огнем, который наконец научился ждать.

А еще – с людьми, которым тоже было страшно. И которым я уже успела помочь. И с теплом тех четырех дней в телеге, которое теперь можно было носить внутри, как маленький надежный уголек. Это, пожалуй, было самым важным.

Первый день в Академии оказался днем всеобщего прибытия. До самого вечера во дворах и коридорах не утихал

шум: скрипели колеса карет, хлопали дверцы сундуков, кто-то громко звал слуг, кто-то спорил из-за комнат. Восточное крыло постепенно заполнялось голосами, шагами и запахами чужой дорогой одежды. К шестому удару колокола смотрительница прошла по коридору и объявила, что ужин для первокурсников начинается через четверть часа.

Мира появилась у моей двери почти сразу. Она уже переделалась в выданную форму – темно-синий плащ с серебристой отделкой, который сидел на ней немного мешковато.

– Пойдем вместе? – спросила она. – А то я боюсь потеряться и случайно сесть не за тот стол.

– Конечно, – кивнула я.

Мы спустились на первый этаж и почти сразу заметили Эдрика. Он стоял посреди широкого холла, держа в руках лист бумаги, и растерянно крутил головой, будто пытался найти несуществующий указатель. Когда увидел нас, его лицо осветилось настоящей, широкой улыбкой.

– Вы тоже сюда? – выдохнул он с таким облегчением, будто мы спасли его от неминуемой гибели. – Я уже третий раз прохожу мимо этой колонны и все никак не пойму, куда идти.

– В столовую, – сказала Мира. – Идем с нами.

Эдрик оказался совсем другим, когда перестал нервничать. Разговорчивым, слегка неуклюжим и неожиданно веселым. По дороге он умудрился дважды запнуться о собственные ноги, каждый раз смеясь над собой громче, чем мы.

– Воздух у меня послушный только тогда, когда я сам не думаю о нем, – признался он. – Стоит начать волноваться – и все, поток разлетается в разные стороны. На испытаниях я чуть табличку не снес.

– Зато во второй попытке собрал, – напомнила я.

Он гордо выпятил грудь.

– Еще бы. Я же готовился. Ну... почти.

Столовая оказалась огромным залом с высокими окнами и длинными деревянными столами. Воздух пах свежим хлебом, тушеными овощами и чем-то сладким – кажется, яблочным пирогом. Мы заняли места в дальнем конце, подальше от самых шумных компаний.

Пока ели, разговор шел легко. Мира рассказала, что выросла в небольшой деревне за Каменным Бродом, где ее мать держала огород, а отец работал каменотесом. Земля слушалась ее с детства – камни сами ложились ровнее, если она рядом. Эдрик оказался сыном деревенского мельника. Ветер крутил крылья мельницы лучше, когда он был дома, и отец до последнего не хотел отпускать его в академию, боясь, что сын «улетит слишком высоко».

Я коротко рассказала о кузнице, о Серых Хребтах и о том, как училась держать огонь, чтобы он не сжигал все подряд. Они слушали внимательно, без снисхождения.

Где-то посередине зала раздался звонкий голос:

– ...конечно, уровень сразу упадет. Что вы хотите? Когда берут всех подряд, приходится потом еще и кормить их за

казенный счет...

Смешки. Еще несколько язвительных замечаний о «провинциальном уровне» и «экспериментах Совета». Фразы были нарочито общими – никто не смотрел прямо на нас. Но смысл был прозрачен, как родниковая вода.

Мира сначала напряглась. Эдрик тоже. А потом я тихо фыркнула. И они оба вдруг тоже тихо, почти беззвучно рассмеялись. Смех получился короткий, но настоящий. Глупость ситуации вдруг стала настолько очевидной, что злиться было просто невозможно.

– Пусть говорят, – прошептала Мира, наклоняясь ближе. – Главное, что мы уже здесь. А вот они все еще не придумали, как с этим жить.

После ужина старшие студенты начали раздавать листы с расписанием. Я развернула свой и сразу выдохнула с облегчением. Основные общие предметы – история магии, руны, теория потоков, основы защиты – стояли у всех аффилированных одинаково. Только после полудня начиналось разделение: огонь, земля, воздух, вода и редкие направления уходили каждый в свой зал.

– Значит, еще целых полдня будем вместе, – радостно сказал Эдрик. – Это хорошо. А то я уже успел привыкнуть, что вы меня спасаете от потери в коридорах.

Мира улыбнулась.

– Придется спасать и дальше. Хотя бы до конца первой недели.

Я смотрела на расписание и чувствовала, как внутри медленно разгорается совсем другой огонь – не боевой и не злой. Теплый. Упрямый. Тот самый, который помогает держаться.

Первый день заканчивался. А впереди была целая академия.

Глава 3. Свет и вода

Кайден.

Меня снова отправили на открытые испытания.

Пятые за последние полтора года. Совет и преподавательский состав считали это почти обязанностью для тех, кто учился слишком хорошо. «Лучшие студенты должны видеть, откуда приходят новые», – говорили они. На деле же брали не только за оценки. Преподаватели давно заметили во мне то, что сами называли «обостренным чувством справедливости» и «избыточной добротой». Я не умел проходить мимо, когда кого-то незаслуженно давили. А на открытых испытаниях такого хватало с избытком.

Мы приехали в Каменный Брод рано утром. Здание управы уже гудело от голосов. Претендентов было больше обычного – провинция в этом году оказалась урожайной. Я помогал расставлять столы для теории, проверял учебные круги во дворе, раздавал свитки и перья. Работа была привычной, почти механической. Пока я не увидел ее.

Она стояла в середине зала, держа свиток обеими руками, и смотрела только на пергамент. Темные волосы собраны в простую косу, веснушки, простое платье. Ничего особенного. И все же взгляд сам возвращался к ней снова и снова. В ее осанке было что-то странное – не гордость и не страх, а плотная, почти осязаемая концентрация. Будто весь мир

сжался до размеров одного листа бумаги, и она не собиралась позволять ему расширяться раньше времени.

Я поймал себя на том, что слишком долго смотрю, и резко отвернулся.

Не время. Я здесь, чтобы помогать, а не разглядывать девушек из провинции.

Но внимание все равно возвращалось. Когда она активировала щит – ровный, без единой трещины. Когда вызывала огонь – маленький, идеально контролируемый шар, который погасила без дыма. Когда после чужой неудачи на мгновение сжимала губы, будто разделяла чужую боль, а потом снова заставляла себя смотреть только вперед.

Странная.

И почему-то хотелось продолжать следить.

Я заставил себя отойти к другому кругу и помочь экзаменатору с воздушным аффинитетом. Работа. Только работа.

К происхождению в Академии относились серьезно. Слишком серьезно. Большинство студентов были из старейших домов. Гербы, связи, деньги, привычка смотреть сверху вниз. Я тоже был из такого дома. Торны – не самые богатые, но уважаемые. Старая кровь, чистая репутация, место в высших кругах и Императорском Совете.

До моих тринадцати лет отец был открытым, громким, вечно чем-то занятым вместе со мной. Мы ловили рыбу на реке за поместьем, он учил меня держать равновесие на старых тренировочных балках, учил эффективной посадке в

седле, смеялся так, что эхом отвечали стены. Мама тогда улыбалась чаще. Она от природы была мягкой – тихий голос, теплые руки, привычка поправлять мне волосы даже когда я уже считал себя взрослым. А потом отца назначили главой Императорского совета. И статус мужа потребовал от нее постоянно держаться. Держать лицо. Улыбаться правильно, говорить правильно, никогда не показывать, как сильно устала.

С тех пор он почти исчез из дома. Бесконечные заседания, поездки, попытки удержать хрупкий баланс между домами, не дать старым обидам вспыхнуть снова. Он делал это ради нас – я понимал. Чтобы защитить. Чтобы никто не мог дотянуться до матери или до меня. Но понимание не отменяло пустоты за обеденным столом и редких коротких писем вместо живого голоса. Мама стала еще тише. Ее мягкость никуда не делась, просто поверх нее легла привычная, идеально выверенная маска.

Когда я только поступил в Аурелии, мое происхождение сначала мало кто «знал в лицо». И нашлись те, кто решил проверить «новичка».

Первый случай произошел в библиотеке. Я сидел в дальнем ряду, между высокими стеллажами, и разбирал редкий трактат по световым потокам. Трое старших «случайно» загородили единственный проход. Один облокотился на полку, второй крутил в пальцах какой-то свиток, третий улыбался слишком широко.

– Некоторые, – негромко произнес тот, что улыбался, –

слишком громко шелестят страницами. Мешают тем, кто здесь по праву.

Я закрыл книгу. Медленно. Поднял глаза. Внутри уже начинало подниматься знакомое раздражение – горячее, колющее. Свет отозвался первым, дрогнув под кожей. Вода почти сразу наложилась сверху, охлаждая, не давая вспышке вырваться. Я давно научился этому движению: сначала почувствовать, потом удержать.

– Если вам мешает звук бумаги, могу перейти в другой зал. Или вы сами можете научиться быть тише. Выбор за вами.

Улыбка у старшего стала еще шире.

– Деревенские манеры. Прямо чувствую, как ты ими хвастаешься.

Я не повысил голос. Просто позволил свету чуть усилиться. Не атака. Даже не предупреждение. Чистый, ровный поток, от которого тени под стеллажами резко обострились, а их лица стали слишком хорошо видны – каждая неуверенность в глазах, каждая капля пота у виска. Один из троих невольно отступил на полшага.

Свет – мой основной аффинитет. Сильный. Он не жжет, как огонь, и не давит, как земля. Свет выявляет. Показывает то, что прячут. Может ослепить на мгновение, может сделать невидимое видимым, может выжечь ложь из чужих глаз, если приложить достаточно силы. А еще – исцелять поверхностные раны и очищать пространство от остаточной темной

магии. Но главное его свойство – правда. Свет плохо умеет лгать. И я тоже.

Второй аффинитет – вода. Более слабый, но постоянный. Вода у меня не бурная и не разрушительная. Она скорее отражает. Успокаивает. Может смягчить чужой удар, создать тонкий барьер, замедлить кровотоечение, охладить перегретое пламя. Иногда – показать человеку его собственное отражение чуть яснее, чем ему хотелось бы. Вместе свет и вода давали странное сочетание: я слишком хорошо чувствовал людей и слишком остро ощущал, когда им больно.

Внутри у меня в этот момент шла тихая, привычная война. Часть меня – та, что унаследовала от отца жесткость, – хотела надавить сильнее. Показать, насколько тонкой может быть грань между светом, который просто освещает, и светом, который уже режет. Другая часть, более холодная и усталая, напоминала: если поддашься сейчас, завтра тебя будут бояться. А страх – плохая основа для чего бы то ни было.

– Я не хвастаюсь, – сказал я спокойно. – Я читаю. Вы мешаете. Уйдите.

Тишина повисла тяжелая. Потом тот, что улыбался, тихо выдохнул сквозь зубы, развернулся и ушел. Остальные последовали за ним. Больше они ко мне не подходили.

Я остался сидеть, глядя в одну точку между стеллажами. Руки слегка дрожали – не от страха, а от того, как сильно пришлось сдерживать магию. Каждый такой момент оставлял после себя странную пустоту. Будто я снова подтверждал

себе, что спокойствие дается мне не естественно, а ценой постоянного внутреннего усилия.

Спокойная учеба продлилась недолго.

Через две недели кто-то из преподавателей в разговоре с коллегой вслух произнес мою фамилию рядом с должностью отца. Слухи в Академии распространялись быстрее любого светового импульса. К вечеру уже весь третий курс знал: Кайдэн Торн – сын главы Императорского совета. Новость недели. Ее обсуждали в столовой, в коридорах, даже в купальнях. Кто-то присвистывал, кто-то начинал внезапно улыбаться мне при встрече, кто-то смотрел с плохо скрытой завистью.

Для всех это было событием. Для меня – тихим, тяжелым разочарованием.

Спокойная учеба закончилась. Теперь каждое мое слово взвешивали, каждый жест замечали, а за спиной постоянно шелестели чужие расчеты. Я снова оказался не просто Кайденом. Я стал чьим-то сыном.

Вдруг оказалось, что со мной хотят сидеть за одним столом. Вдруг мои шутки стали особенно смешными. Вдруг меня начали приглашать на закрытые вечера и «неформальные встречи», где разговоры крутились вокруг будущих мест в Совете и полезных связей. Я видел их насквозь. Буквально. Свет цеплялся за фальшь в голосе, вода отражала настоящие намерения в глазах. Усталость от этого пришла слишком быстро, хотя я знал, что именно так все и будет.

И внутри снова поднялась та же борьба. Часть меня хотела закрыться полностью – стать еще сдержаннее, еще холоднее, чтобы никто не мог подобраться близко. Другая, более упрямая, напоминала: если спрячешься совсем, то чем тогда отличаешься от тех, кто использует имя как щит? Я ненавижу обе крайности. И каждый день заново искал узкую тропинку между ними.

Я перестал принимать большинство приглашений. Оставил рядом только тех, кто не менялся в лице, когда узнавал фамилию. Таких оказалось мало.

Поэтому наставничество для меня всегда было скорее обязанностью, чем радостью. Каждый год Совет выдавал старшекурсникам, которым доверяли чуть больше, небольшую группу новичков. Обычно – смесь слишком напыщенных наследников и тех, кто попал по протекции и путал базовые руны с украшениями на плаще. Я выполнял работу честно. Помогал. Поправлял. Иногда прикрывал от чужой глупости. Но внутри редко что-то откликалось.

Пока на этих испытаниях я не увидел девушку с идеально контролируемым огнем и слишком внимательными глазами.

Когда списки зачисленных пришли в Академию, я почти не удивился, увидев среди них имя «Элара Вейн». Это имя я крутил уже почти неделю в своей голове, видимо, с которой больше не дружу... Удивился другому: в этом году в мою группу попала она.

Я сидел в своей комнате на третьем этаже западного кры-

ла, смотрел на строчку с ее именем среди остальных новичков и ловил себя на странном ощущении.

Не раздражении.

Не усталости.

А тихом, осторожном интересе.

В этот раз, кажется, год будет другим.

И вот тогда, сам не заметив, как это началось, я вдруг поймал себя на том, что уже составляю план.

Сначала просто короткие пункты. Потом список разрастался, обрастал деталями, временем и запасными вариантами. Я сидел за столом, смотрел в окно на серебристые розы и мысленно прокручивал одно и то же снова и снова.

Сначала – общий обход территории. Не формальный, а нормальный: показать не только главные корпуса, но и тихие дворы, где можно побыть одному, старую оранжерею, где зимой тепло, дальние тренировочные залы, в которые почти никто не ходит. Потом – библиотека. Обязательно объяснить, как пользоваться каталогами редких свитков и в какое время там бывает тише всего. Отдельно – столовая. Где лучше садиться, чтобы меньше слышать лишнего, и какие блюда на самом деле съедобные.

Дальше – основы ориентации по аффинитетам. Не официальные занятия, а дополнительные. Для огненных – упражнения на тонкий контроль температуры, чтобы не жечь учебные манекены и собственные нервы. Для воздушных – работа с устойчивостью потока в закрытом помещении. Для зем-

ных – как не оставлять трещин в полу после каждой практики. Для водных – отражение и стабилизация. И обязательно общие вечерние тренировки на удержание щита под легким давлением. По полчаса. Не больше. Чтобы не перегружать.

Еще – разбор типичных ошибок первокурсников. Коротко, без нравоучений. Просто список того, на чем чаще всего сыплются в первые недели. И отдельный разговор о том, как реагировать на чужие насмешки, не подставляя ни себя, ни свою магию.

Я прокручивал этот список десятки раз. Утром. Вечером. Перед сном. Каждый раз понимая, что это перебор. Что обычный наставник ограничивается одним общим собранием, ответами на вопросы и парой обязательных отчетов. Что дополнительные тренировки, обходы и «разборы ошибок» выглядят почти глупо.

И все же один пункт списка я вычеркивал и возвращал обратно снова и снова.

Старая оранжерея.

Официально она считалась просто заброшенным крылом садов – местом, где зимой действительно было теплее благодаря древним контурам земной магии, заложенным еще при Аурелии Светлой. Большинство студентов туда почти не ходили: стекло в некоторых местах помутнело, часть рам держалась на честном слове, а редкие серебристые розы росли там слишком уж дико. Преподаватели отмахивались: «Пусть стоит, пока не рухнет».

Но я знал то, чего не знали почти никто.

В самом дальнем углу оранжереи, за высокими кустами лунных папоротников, пол слегка проседал. Если встать туда босыми ногами и успокоить дыхание, можно было почувствовать слабый, но устойчивый отклик. Древний контур не просто обогревал воздух. Он слегка приглушал внешний шум магии – чужие потоки, случайные всплески, даже давление чужих аффинитетов становились тише. Для человека с нестабильной силой это было почти спасением. Для того, кто привык слишком хорошо слышать чужую ложь и боль, – единственным местом в Академии, где можно было на время перестать быть «ясным течением» и просто побыть собой.

Я сам наткнулся на это свойство на втором курсе, случайно, когда прятался там от очередной волны «лучших друзей». С тех пор приходил редко и никому не рассказывал. Слишком личное. Слишком удобное. Слишком легко могло превратиться в чужую слабость, если бы слух разошелся.

И вот теперь я снова смотрел на этот пункт в мысленном списке и понимал, что впервые за все время готов показать это место кому-то еще. Точнее – одной конкретной девчонке с идеально контролируемым огнем и слишком внимательными глазами.

Группу дают на месяц. Всего на месяц... И этот срок показался мне катастрофически маленьким.

Раньше я даже испытывал легкое облегчение, когда он подходил к концу. Теперь же, глядя на имя Элара Вейн сре-

ди остальных, я вдруг поймал себя на совсем другой мысли:
Месяца мне точно не хватит.

Глава 4. Собрание

Элара

Утро второго дня началось с низкого, тягучего удара колокола. Он раздался еще до того, как солнце успело полностью подняться над золотыми шпилями, и звук этот был низким, тяжелым, будто кто-то ударил по огромной медной чаше.

Звук прошел сквозь стены восточного крыла и заставил воздух в комнате слегка дрогнуть. Я уже сидела на краю кровати, полностью одетая. Спалось урывками. Слишком тихо по сравнению с Редстоуном, слишком чужой запах в комнате – воск, чистое белье и слабый аромат серебристых роз, который проникал даже сквозь закрытое окно.

Форма, выданная накануне, оказалась на удивление удобной. Темно-синий плащ с тонкой серебристой каймой, плотная простая рубашка, брюки, в которых можно было двигаться свободно. Я завязала волосы в тугой хвост, чтобы не мешали, и вышла в коридор. Мира уже ждала у двери, нервно поправляя рукава. Через минуту из-за угла вынырнул Эдрик – волосы взъерошены, на щеке след от подушки, но глаза уже блестели привычным веселым беспокойством.

– Собрание, – сказал он вместо приветствия. – Говорят, все первокурсники и наставники. И ректор лично. Я уточнил дорогу четыре раза. Кажется, теперь точно не заблудимся.

Мы спустились вместе.

Главный зал Академии оказался еще больше, чем я представляла. Высокие стрельчатые окна пропускали утренний свет косыми золотыми полосами. Потолок терялся в полумраке сводов, а на стенах висели старые гобелены с изображением Войны Пепла и основания Академии – в тусклом золоте нитей маги все еще жгли города, а Аурелия Светлая поднимала белый штандарт над пепелищем. Студенты стекались внутрь медленно, заполняя пространство шепотом и шорохом плащей.

Нас направили вперед, ближе к возвышению, где уже стояли несколько преподавателей в темных мантиях. Я старалась смотреть прямо и дышать ровно. Огонь внутри отзывался на чужое волнение вокруг – тонко, раздраженно. Приходилось удерживать его глубже обычного. Мира стояла справа, крепко сжав пальцы. Эдрик слева то и дело переминался с ноги на ногу.

Кайден

Я стоял чуть в стороне от остальных наставников, у колонны, и наблюдал, как зал заполняется.

Список моей группы я получил еще вчера вечером от секретаря совета. Краткие сведения: имя, аффинитет, место испытаний, краткая оценка экзаменаторов. Я прочитал его дважды и запомнил, мне кажется, на всю жизнь.

Я позволил свету едва заметно скользнуть по залу, отмечая чужие эмоции. Кто-то нервничал слишком явно. Кто-то уже примерял на себя будущий статус. Вода внутри остава-

лась спокойной, отражая только мое собственное странное напряжение.

Ректор появился без лишнего шума. Высокий, седой, с прямой спиной и голосом, который не нужно было усиливать магией. Он просто поднял руку – и зал замолчал почти мгновенно.

Элара

– Первокурсники, – начал ректор спокойно. – Добро пожаловать в Академию Аурелии. Вы прошли отбор. Теперь ваша задача – не потерять то, ради чего сюда пришли.

– Правила Академии обязательны для всех.

Он говорил без пафоса. Именно поэтому каждое слово ложилось тяжело.

– Правила просты. И обязательны для всех без исключения.

Голос ректора был ровным, но в зале стало совсем тихо.

– Первое. Магия внутри жилых корпусов допускается только в учебных целях и под контролем. Любой несанкционированный выброс силы, повлекший порчу имущества или травму, рассматривается советом.

– Второе. Запрещены любые формы давления на других студентов с использованием аффинитета. В том числе «шутки», «проверки» и «демонстрации превосходства».

– Третье. Библиотека и архивы открыты с рассвета до десятого удара колокола. Редкие фонды – только с разрешения хранителя.

– Четвертое. Тренировочные залы доступны по расписанию. Ночные занятия – исключительно в сопровождении наставника или старшего курса.

– Пятое. Уважение к преподавателям, наставникам и друг к другу. Независимо от происхождения, силы аффинитета или размера герба на плаще.

Последнюю фразу он произнес чуть медленнее. Мне показалось, что несколько человек в задних рядах едва заметно поерзали.

– Нарушения фиксируются. Три серьезных замечания – рассмотрение вопроса об отчислении. Академия не хранит тех, кто не умеет держать себя в руках.

Он сделал короткую паузу.

– Помимо общих правил в Академии действует система внутренних рангов и рейтинга внутри потока.

Я выпрямилась еще сильнее. Об этом в письме о зачислении не было ни слова.

– Каждый первокурсник начинает с ранга «Миг», – ровно произнес ректор. – Это точка отсчета. Первое осознанное касание собственной силы. Далее следуют «Час», «Круг», «Сфера» и высший ранг для младших курсов – «Горизонт».

Он обвел зал спокойным взглядом, прежде чем продолжить.

– «Миг» – это вспышка, одно мгновение контроля. «Час» – способность удерживать силу на протяжении устойчивого отрезка. «Круг» – умение замыкать поток в непрерыв-

ный цикл. «Сфера» – контроль уже не линии, а объема, когда магия заполняет пространство вокруг вас. «Горизонт» – предел, доступный младшим курсам: сила, которая не просто подчиняется, а становится частью вашего присутствия во времени.

В зале стало совсем тихо. Ректор едва заметно поднял руку – и под высоким сводом вспыхнула полупрозрачная иллюзия: светящиеся схемы, движущиеся потоки и медленно меняющиеся формы, которые зримо повторяли и поясняли каждое его слово.

– Переход на следующий ранг возможен только при совокупности показателей: стабильность аффинитета, теоретические знания, работа в группе и отсутствие серьезных нарушений. Однако самого накопления результатов недостаточно. Внутри каждого ранга действует собственный рейтинг. Именно он подтверждает, что вы действительно удерживаете текущий уровень, а не просто однажды его коснулись.

Ректор сделал короткую паузу.

– Рейтинг обновляется каждые две недели по итогам контрольных испытаний. Это короткие, но обязательные проверки: контроль аффинитета в ограниченном времени, реакция на внешнее давление, точность в заданном пространстве и базовое понимание теории. Высокий рейтинг внутри ранга открывает доступ к углубленным занятиям, дополнительным залам, редким фондам библиотеки и приоритету при выборе практических напарников.

– Если рейтинг падает ниже установленной черты и остается там два контрольных цикла подряд, студент возвращается на предыдущий ранг. При особенно слабых результатах возможно повторное прохождение базового курса текущего года.

Я почувствовала, как внутри медленно натягивается струна. Каждые две недели. Снова и снова доказывать, что «Миг» не был случайностью, что «Час» вам действительно принадлежит, а не просто случился однажды. Хорошо. Я умела работать.

Рядом Мира едва слышно выдохнула. Эдрик замер, забыв переступить с ноги на ногу.

– Система создана не для того, чтобы ломать, – спокойно закончил ректор. – А для того, чтобы каждый из вас видел свое реальное положение во времени и пространстве собственной силы. Подняться или откатиться назад – выбор, как всегда, остается за вами.

Шепот прокатился по залу. Кто-то выглядел воодушевленным. Кто-то – заметно напрягся, а ректор невозмутимо продолжил объяснение.

– В Академии Аурелии система рангов не заканчивается на «Горизонте». Этот ранг считается высшим лишь для младших курсов (первый и второй). Начиная с третьего курса открывается вторая, старшая ветвь – уже не ученическая, а мастерская. Она продолжает ту же логику, но выходит за пределы личного контроля и касается влияния на окружаю-

щий мир.

Старшие ранги выстраиваются следующим образом:

Горизонт. Маг уверенно владеет своей силой в пределах личного пространства и устойчивого времени. Он больше не теряет контроль от случайной эмоции и способен удерживать поток столько, сколько требует задача.

Орбита. Первый старший ранг. Сила начинает стабильно влиять на пространство вокруг мага. Защитные и атакующие формы держатся не только на воле, но и на окружающей среде. Маг может поддерживать сложные конструкции длительное время, не истощаясь.

Созвездие. Уровень, на котором отдельные потоки начинают работать в системе. Маг способен связывать несколько аффинитетов (если они у него есть) или координировать силу нескольких людей. Здесь уже требуется не просто контроль, а понимание чужих ритмов и умение встраиваться в общее поле.

Эпоха. Редкий ранг. Маг влияет уже не на минуты и часы, а на устойчивые состояния пространства. Его присутствие может надолго изменять свойства места: усиливать защиту территории, стабилизировать нестабильные потоки, удерживать сложные барьеры днями. Таких в Академии единицы даже среди преподавателей.

Вечность. Легендарный, почти недостижимый ранг. Официально он существует, но за последние сто лет его подтверждали лишь дважды. Это уровень, при котором сила ма-

га перестает быть отдельным актом и становится частью пространства и времени вокруг. О таких людях говорят, что они «оставляют след», который не исчезает долгие годы.

– Переход на старшие ранги происходит иначе, чем у младших. Рейтинг внутри ранга по-прежнему проверяется каждые две недели, но сами экзамены становятся значительно сложнее: работа в условиях сильного внешнего давления, удержание конструкций в течение часов, взаимодействие с чужими аффинитетами и защита пространства, а не только себя.

– Большинство студентов третьего и четвертого курсов находятся между «Орбитой» и «Созвездием». С этими же рангами чаще всего и выпускаются. «Эпоха» считается потолком для талантливых. «Вечность» остается скорее символом, чем реальной целью. Ведь всегда должно быть то к чему можно стремиться!

Я смотрела на ректора внимательнее, чем следовало. Высокий, с прямой, почти военной спиной, седые волосы коротко подстрижены, лицо сухое, с глубокими, но не старческими морщинами у рта и глаз. Взгляд светло-серых глаз был спокойным и тяжелым – таким, от которого хотелось выпрямиться даже тем, кто стоял в самом конце зала. На темной мантии у него почти не было украшений – лишь тонкая серебристая вышивка у ворота, едва заметная, если не присматриваться. Несколько переплетенных линий, образующих незамкнутый круг с короткой чертой внутри. Я видела

этот знак только однажды – в старом справочнике, который листала в архивах Редстоуна. Ранг «Эпоха». Только в этот момент я поняла истинное его значение.

Значит, человек, который сейчас спокойно перечислял правила, действительно стоял на той ступени, о которой большинство студентов могло только мечтать.

Кайден

Я слушал правила в сотый раз и все равно ловил себя на том, что отмечаю реакцию зала. Кто-то кивал слишком усердно. Кто-то улыбался уголком рта, будто уже прикидывал, как эти правила можно обойти. Свет внутри меня слабо отозвался, выхватывая чужие эмоции. Я подавил импульс.

Ректор перешел к наставникам.

Сначала – старшие. Элиас Ворн, четвертый курс, огонь. Высокий, с короткими рыжеватыми волосами и вечной полуулыбкой. Ему досталась группа из шести наследников средних домов – шумные, уверенные, уже успевшие занять лучшие места в зале. Потом – Серана Кальт, воздух, третий курс. Холодная, безупречная, с волосами цвета пепла. Ее группа выглядела почти так же безупречно. Еще несколько имен, лиц, коротких характеристик.

Когда очередь дошла до меня, зал едва заметно оживился. Фамилия Торн все еще работала лучше огромного солнечного указателя у центрального фонтана – того самого, от которого в любую погоду не могли оторвать глаз ни первокурсники, ни даже преподаватели.

– Кайден Торн. Третий курс. Свет и вода. Группа из семи первокурсников.

Я сделал шаг вперед, коротко наклонил голову. Взгляды сразу стали тяжелее. Кто-то из старших едва заметно усмехнулся. Кто-то, наоборот, кивнул с уважением. Я уже давно перестал пытаться отделить одно от другого.

Ректор начал зачитывать состав группы.

– Элара Вейн. Огонь.

– Мира Каллен. Земля.

– Эдрик Вейс. Воздух.

– Рен Сорен. Вода.

– Лир Сорен. Вода.

– Селина Марш. Свет.

– Томас Грей. Земля.

Пока звучали имена, я успел еще раз мысленно наложить на них то, что знал из бумаг секретаря.

Вейн – «Исключительный контроль базового потока. Эмоциональная сдержанность выше средней». Она стояла прямо, собранно, руки спокойно опущены вдоль тела. Огонь в ней был плотно закрыт, но я все равно чувствовал его тепло на границе восприятия.

Каллен – «Стабильный аффинитет, склонность к защитным формам». Чуть напряженные плечи, тяжелая темная ко-са, земляной аффинитет ощущался тяжелым и надежным.

Вейс – «Нестабилен при волнении, но быстро восстанавливается». Нервно перебирал пальцами край плаща, воздух

вокруг него слегка дрожал.

Близнецы Сорен – «Слабый, но очень чистый поток. Работают синхронно». Стоят плечом к плечу, почти неотличимые: светлые волосы, светло-серые глаза, тихие водные потоки, которые едва угадывались.

Марш – «Слабый аффинитет, высокая чувствительность». Хрупкая, миниатюрная, с очень чистым, хотя и слабым светом.

Грей – «Плотный, тяжелый поток. Хорошая выносливость». Широкий в плечах, молчаливый, с землей, которая чувствовалась как плотный камень под ногами.

Разные. И почему-то уже казавшиеся мне более живыми, чем большинство тех, кого мне давали раньше.

Элара

Когда назвали мое имя, я почувствовала, как несколько взглядов скользнули в мою сторону. Привычно. Почти не больно. Я услышала свое имя, потом Миру, Эдрика, еще несколько незнакомых. Мы стали ближе друг к другу почти инстинктивно.

Потом прозвучало имя наставника – Кайдэн Торн.

Высокий. Темные волосы чуть падали на лоб. Серые глаза спокойные, внимательные, с той особой усталостью, которую я раньше замечала только у взрослых, слишком долго несущих чужой вес. Плащ сидел идеально. Он стоял прямо, не улыбался и не пытался выглядеть значительнее, чем был. Просто ждал.

Мира тихо выдохнула:

– Кажется, мы теперь официально чья-то головная боль.

Эдрик тихо фыркнул:

– Главное, чтобы эта головная боль не оказалась слишком строгой.

Я смотрела на Кайдена Торна и почему-то не думала, что он будет строгим. Скорее – внимательным. Почему-то казалось, что этому человеку будет не все равно, справимся мы или нет. И это одновременно успокаивало и пугало. Ведь фамилию «Торн» знали во всех уголках даже самых далеких деревень. Он смотрел на нас и впервые за эти дни почувствовала не только тревогу, но и странное облегчение. Хотя бы кто-то из «высших» здесь не смотрел на меня, как на грязь, случайно принесенную на подошвах.

Ректор закончил объявления и добавил:

– Наставники отвечают за вас первый месяц. Используйте это время. Вопросы – к ним. Проблемы – тоже. Академия дает возможности. Дальше все зависит от вас.

Зал начал постепенно оживать. Шепот вернулся. Кто-то уже обсуждал наставников, кто-то – правила, кто-то просто радовался, что официальная часть закончилась.

Кайден

Пока зал начинал расходиться, я остался на месте. Группа собралась сама – быстро, без лишней суеты. Элара шла первой. Не лидируя специально – просто потому, что привыкла не прятаться. Мира держалась рядом. Эдрик чуть позади, но

уже улыбался. Близнецы молчали. Селина смотрела по сторонам широкими глазами. Томас шел тяжело и надежно, как человек, который привык, что земля под ногами всегда отвечает.

Когда они остановились передо мной, я кивнул.

– Кайдэн Торн. На ближайший месяц я ваш наставник. Сегодня после обеда – короткий обход территории. Завтра начинаем с основ контроля. Вопросы будут. Задавайте их сразу, а не когда уже что-то сгорит или провалится под землю.

Эдрик тихо хихикнул. Мира улыбнулась уголком рта. Эларра только смотрела прямо, без страха и без попытки понравиться.

Я почувствовал, как внутри снова поднимается тот самый осторожный интерес, от которого не удавалось избавиться с испытаний.

И мысль, которую уже не получалось отогнать: надо успеть их подготовить к моменту, когда ранги начнут давить раньше, чем они успеют привыкнуть дышать в этих стенах.

Группа не стала разбегаться. Кто-то из них – кажется, Эдрик – первым предложил:

– Может, сразу пойдем обедать вместе?

Никто не возразил. Даже близнецы, которые до этого почти не открывали рта, молча кивнули.

Столовая в обед была уже не такой гулкой, как накануне вечером. Мы заняли край длинного стола у окна. Пока рас-

ставляли подносы, наконец появилась возможность рассмотреть тех, кого я пока знал только по бумагам секретаря.

Рен и Лир Сорен сидели рядом, почти касаясь плечами. Оба светловолосые, с одинаковыми светло-серыми глазами и спокойными, чуть отстраненными лицами. Говорили редко и в основном коротко, но между ними чувствовалась привычная, почти бессловесная связь. Водный аффинитет чувствовался мягко: не бурным потоком, а ровной, прохладной глубиной. Когда Рен случайно задел локтем кувшин, Лир даже не посмотрел – просто чуть шевельнул пальцами, и вода внутри кувшина мгновенно успокоилась, не расплескавшись. Синхронность у них была почти пугающей.

Селина Марш оказалась хрупкой девушкой с очень светлой кожей и пепельно-русыми волосами, собранными в низкий хвост. Она держалась чуть скованно, но улыбалась каждой удачной шутке Эдрика. Ее свет был слабым – я чувствовал это даже без специальной проверки, – зато необычайно чистым. Когда она нервничала, вокруг пальцев на долю секунды вспыхивали крошечные искрящиеся пылинки, которые тут же гасли. Селина каждый раз смущенно прятала руки под стол.

Томас Грей занял место с краю, будто привык не стеснять других. Широкие плечи, крупные руки с зажившими мозолями, коротко стриженные темные волосы. Говорил он мало, голосом низким и спокойным. Когда Эдрик чуть не опрокинул солонку, Томас просто подвинул ее обратно одним дви-

жением, даже не поднимая глаз от тарелки.

Обед прошел на удивление легко. Эдрик разговорился первым и умудрился вытянуть из близнецов, что они выросли на берегу большого озера и с детства чувствовали воду лучше, чем сушу. Селина призналась, что ее свет иногда вспыхивает сам, когда она пугается, и что дома ее за это постоянно ругали. Томас коротко сказал, что работал с отцом в каменоломне и привык, что камень слушается, если с ним не спорить.

Элара почти не рассказала о себе.

– Отец – кузнец. Мама лечит травами. Живем у подножия Серых Хребтов. Огонь у меня с двенадцати. Сначала сильно мешал, потом научилась держать.

Все. Коротко. Спокойно. И ее слова вызвали сначала просто светлое, почти теплое чувство – интерес, внимание, желание услышать больше. А секундой позже меня кольнуло совсем другим: я выделяю ее. Уже выделяю. Среди семерых. Среди тех, за кого должен отвечать одинаково. Осознание вышло неприятным и слишком резким.

Я заставил себя выдохнуть и скользнуть взглядом по остальным. Но свет все равно возвращался к ней.

И тогда я заметил еще одну вещь. Элара чуть ослабила концентрацию. Огонь, который с самого утра был у нее плотно закрыт, теперь лежал спокойнее, почти лениво. Она явно расслабилась. Наверное, потому что группа вокруг оказалась обычной, живой и не враждебной. Потому что можно было

на пару минут перестать держать спину так, будто от этого зависит выживание.

Именно эта маленькая трещина в ее контроле зацепила меня еще сильнее.

Она не пыталась быть удобной. Не пыталась быть сильной напоказ. Просто на мгновение позволила себе быть чуть менее собранной – и от этого стала только заметнее.

Мира тоже держалась спокойно, только иногда кивала. Только Эдрик говорил быстро, бодро и весело, но это было нам всем на пользу, ведь он одним своим присутствием заполнял неловкие паузы в диалогах малознакомых людей.

После обеда я поднялся первым.

– Если закончили – идем. Обход небольшой, но лучше сразу понять, где что находится.

Они собрались быстро, без лишнего шума.

Я повел группу через центральный двор мимо солнечного указателя. В это время дня золотые линии на обелиске лишь слабо мерцали, но несколько студентов все равно стояли рядом, задрав головы. Я не стал задерживаться.

– Главный корпус вы уже видели. Здесь аудитории общей теории, зал собраний и кабинет ректора. Восточное крыло – ваше общежитие. Западное – старшие курсы и наставники. Не стоит без дела ходить в западное, если вас туда не вызвали.

Мы прошли под аркой в учебный двор. Я показал дальние тренировочные залы – старые, с высокими окнами и уже по-

тертыми кругами на полу.

– Здесь будут проходить большинство ваших практических. Залы разделены по аффинитетам, но общие занятия тоже бывают. Расписание висит у входа. Если опоздаете больше чем на четверть часа без причины – занятие считается пропущенным.

Дальше шла библиотека. Огромное здание с темными деревянными дверями и запахом старой бумаги, который вырывался наружу даже сейчас.

– Первый этаж – общий доступ. Второй – специализированные фонды. Третий – редкие свитки, туда только с разрешением хранителя и при определенном рейтинге. Попытки пройти без допуска заканчиваются неприятно. И быстро.

Селина тихо сглотнула. Эдрик нервно хмыкнул.

А Элара смотрела на тяжелые двери иначе. Я увидел это сразу. В ее глазах вспыхнуло не просто любопытство – там появилась такая плотная жадность, какую я раньше встречал только у старших курсов, которые уже знали цену редким трактатам. Она чуть наклонила голову, будто прислушиваясь к запаху бумаги и пыли, и пальцы на мгновение сжались сильнее обычного. Свет внутри меня уловил это раньше, чем я успел осознать: острый, почти физический голод по страницам, по строчкам, по всему, что можно узнать и унести с собой.

Я впервые за все годы наставничества почувствовал от новичка такую чистую, нетерпеливую тягу. Не к силе. Не к ста-

тусу. К книгам. К толстым, тяжелым, пыльным томам, до которых еще нужно заслужить доступ.

И как бы мне не хотелось этого признавать, но опять мне слишком понравилась ее реакция.

Я специально провел их длинным путем – мимо оранже-рей, мимо задних дворов, где росли обычные, не серебри-стые розы, мимо небольшого пруда, в котором вода была неестественно неподвижной.

– Здесь можно быть относительно спокойным, – сказал я, остановившись у пруда. – Меньше глаз. Меньше чужих по-токов. Если кому-то понадобится прийти в себя – имейте в виду.

Элара слегка наклонила голову, разглядывая воду. Близ-нецы переглянулись. Томас просто кивнул, будто уже запом-нил.

В конце я вывел их к восточному крылу.

– На сегодня достаточно. Завтра после общих лекций жду всех в малом зале третьего корпуса. Начнем с удержания ба-зового потока под легким внешним давлением. Кто не уве-рен в контроле – лучше предупредите сразу. Прятать слабос-ти в этой Академии бесполезно. Их все равно заметят.

Группа молчала несколько секунд. Потом Эдрик неловко почесал затылок:

– А если мы... ну... все-таки что-то подождем, развеем или обрушим?

Я почти улыбнулся.

– Тогда и будем разбираться. Но лучше не надо.

Они начали расходиться. Элара задержалась на шаг дольше остальных. Наши взгляды встретились на короткое мгновение. Мне захотелось улыбнуться ей, и я не стал себя останавливать, но резко понял, что уши почему-то начинают пылать и первым повернул к западному крылу.

Глава 5. Разные направления и один наставник

Утро третьего дня пахло мелом, озоном и чужим волнением.

Общие занятия для первокурсников начинались в Большом зале теории — огромном помещении с высокими окнами, через которые косой свет ложился на пылинки в воздухе, и амфитеатром из тёмного дерева. Здесь собирались все аффинитеты вместе. Огонь, вода, воздух, земля, свет и редкие направления сидели бок о бок, и воздух от этого дрожал едва заметной смесью потоков.

Преподаватель теории, магистр Элиан Восс, был сухопарым мужчиной лет шестидесяти с короткими седыми волосами и привычкой смотреть поверх голов, будто видел сразу всех и никого конкретно. Голос у него был ровный, чуть хриловатый, без попытки задобрить или напугать.

— Магия не любит лени и не прощает самоуверенности, — сказал он в первые же минуты. — Сегодня мы разберём базовую структуру потока. Не то, что вы «примерно чувствуете», а то, что происходит на самом деле.

Он поднял руку. Над ладонью возникла тонкая светящаяся схема — не иллюзия для красоты, а рабочая модель. Потоки разных аффинитетов отображались разными цветами:

оранжевый огонь, синяя вода, серебристый воздух, тяжёлый коричневый земли, белый свет, черная тень. Потоки медленно двигались, сталкивались, расходились.

— Каждый из вас держит внутри себя нестабильную систему. Ваша задача на ближайшие месяцы — сделать её предсказуемой. Кто не сможет — отсеется на первых контрольных.

Отношение Восса к студентам было одинаковым: сухим и требовательным. Он не повышал голос на наследников и не смягчался перед провинциалами. Когда один из богатых первокурсников попытался спорить, что «в их доме учили иначе», Восс лишь коротко ответил:

— В вашем доме вас не будут экзаменовать каждые две недели. Здесь будут. Садитесь.

Я сидела между Мирой и Эдриком и старалась не упускать ни слова. Теория давалась легко — слишком многое я уже читала в старых свитках. Но когда Восс начал разбирать, как чужие потоки могут усиливать или гасить друг друга в одном пространстве, я впервые почувствовала, насколько сложно будет учиться рядом с десятками других аффинитетов.

После теории шли общие практические.

Нас вывели в огромный тренировочный двор, разделённый на сектора. Преподаватель практики, магистр Каэла Ринн, была полной противоположностью Восса. Высокая, с короткой стрижкой и шрамом через левую бровь, она говорила громко и прямо.

— Сегодня работаем на удержание базового потока под внешним шумом. Вокруг вас будут чужие аффинитеты. Кто потеряет контроль — получает замечание. Кто повредит соседа — получает двойное.

Она не улыбалась, но в её голосе не было презрения. Только деловитость.

Упражнение оказалось жёстче, чем звучало. Нужно было удерживать маленький стабильный поток своего аффинитета, пока рядом другие студенты делали то же самое. Воздух дрожал. Земля под ногами иногда слабо вибрировала. Огонь нескольких человек вспыхивал слишком ярко, и я чувствовала, как мой собственный отзывается желанием ответить.

Ровный, плотный, без единой искры. Жар внутри него шёл ровным кругом, не пытаясь вырваться наружу, только слегка пульсировал в такт дыханию. Рядом Эдрик боролся с ветром: тонкие серебристые нити воздуха то собирались у него между ладонями в тугую жгут, то вдруг срывались и хлестали в стороны, поднимая мелкую пыль. Мира стояла на одном колене и медленно собирала из сырой глины плотный серый камень. Земля слушалась неохотно — сначала просто липла к пальцам, потом начинала твердеть, слой за слоем, пока в ладонях не тяжелел настоящий округлый валун. От напряжения у неё побелели костяшки. Селина совсем спрятала руки в рукава: её свет вспыхивал слишком заметно, крошечными белыми искрами прорываясь сквозь ткань, стоило ей хоть немного занервничать. Близнецы Рен и Лир рабо-

тали почти синхронно. Вода у них не бурлила и не плескалась — она медленно закручивалась в две идеально гладкие сферы, которые отражали свет и почти не дрожали. Томас работал иначе: он стоял прямо и ладонью медленно продавливал в земляном полу неглубокую ровную борозду. Грунт под его рукой уплотнялся с тихим, глухим звуком, становясь тёмным и гладким, будто его часами утрамбовывали тяжёлым катком.

Каэла Ринн ходила между рядами и коротко комментировала:

— Слишком жёстко. Отпусти чуть-чуть. — Слабо. Добавь плотности. — Ты не дышишь. Начни дышать, или поток тебя сожрёт.

Когда она остановилась рядом со мной, я не подняла глаз. Просто продолжала держать.

— Хороший контроль, — сказала она ровно. — Но слишком плотный. Ты боишься, что он вырвется. Отпусти страх. Огонь это чувствует.

Я чуть ослабила хватку. Шар остался стабильным, но стал... живее. Каэла кивнула и пошла дальше.

Чуть левее Селины один из огненных первокурсников — высокий парень с гербом на рукаве — резко вздрогнул. Его поток сорвался. Яркая оранжевая вспышка рванула в сторону. Селина даже не успела отшатнуться.

Я среагировала раньше, чем подумала.

Тончайшая нить контролируемого тепла — почти неви-

димая — перехватила чужое пламя в воздухе и погасила его за долю секунды. Настолько быстро и чисто, что большинство даже не поняли, что произошло. Осталась только лёгкая волна горячего воздуха.

Только после этого я заметила, что Каэла Ринн уже начала делать короткий пасс рукой — классический жест экстренного гашения. Значит, Селине, скорее всего, ничего серьёзного не угрожало. Преподаватель всё контролировала.

Я перевела взгляд на виновника.

Парень стоял бледный, тяжело дыша. И смотрел не на преподавателя и не на меня — он смотрел на Селину. В его глазах было искреннее, почти мальчишеское волнение и страх. Он явно сам испугался того, что не удержал поток. Несмотря на дорогой герб и идеальную осанку.

А вот его друг, стоявший рядом, даже не пытался скрыть ухмылку. И довольно громко, нарочито бросил:

— Чуть не подпалил безродную мышь. Красиво бы вышло.

Каэла Ринн медленно опустила руку. Её взгляд на долю секунды встретился с моим. В нём было короткое удивление и явное одобрение. Она едва заметно кивнула мне, после чего резко развернулась к парням.

— Замечание, — чётко сказала она виновнику. — Потеря контроля в общем строю. Запишется в рейтинг.

Потом её глаза остановились на ухмыляющемся друге.

— А ты отправляешься на неделю дежурить в столовую.

Чтобы впредь не сбивал магию других студентов слишком длинным языком.

Ухмылка мгновенно сошла с его лица.

Я спрятала дрожащие пальцы в рукава. Огонь внутри бился слишком сильно. Пришлось впиться ногтями в ладонь, чтобы вернуть его на место.

К концу занятия несколько человек уже сидели на земле, бледные от перенапряжения. Двое получили замечания за то, что их потоки почти задели соседей. Я чувствовала усталость в руках и лёгкую дрожь внутри.

В столовой за обедом Эдрик всё ещё потряхивал кистями.

— Это было ужасно. Мой воздух всё время норовил улететь к кому-нибудь другому.

— Зато ты не сбил никого с ног, — заметила Мира. — Уже прогресс.

Селина некоторое время молчала, глядя в свою тарелку. Потом всё-таки подняла глаза и тихим, но отчётливым голосом сказала:

— Меня почти задело. Там, во дворе. У одного парня сорвался огонь, и вспышка шла прямо в меня. Я даже моргнуть не успела. А Элара... она её погасила. Прямо в воздухе. Так быстро, что почти никто не заметил.

Эдрик округлил глаза. Мира медленно положила ложку. Близнецы переглянулись. Томас, который обычно молчит как скала, вдруг коротко хмыкнул.

Мне стало очень неудобно. Слишком много внимания.

— Я ничего особенного не сделала, — быстро сказала я, чувствуя, как жар поднимается к щекам. — Просто успела среагировать. Всё.

Селина покачала головой, но спорить не стала:

— Это невероятно и ... спасибо.

Дальше разговор свернул в привычное направление, в обсуждение заданий, того что ждет на следующих занятиях.

Я слушала их и понимала: общие занятия будут самыми тяжёлыми именно потому, что здесь нельзя спрятаться в своём аффинитете. Приходится существовать рядом с чужими силами и не терять себя.

После обеда потоки разделялись.

Огненных повели в зал с усиленными каменными стенами и потолками, покрытыми охлаждающими рунами. Преподавателем огня оказался магистр Дарион Хейл — высокий мужчина с короткой бородой и руками, покрытыми старыми мелкими ожогами. Голос у него был низкий, чуть хриплый.

Я слышала о нём ещё до занятия. Говорили, что когда-то Хейл был одним из самых сильных боевых магов огня в своём выпуске. Во время пограничного конфликта его группа попала в засаду. Он удерживал стену пламени почти два часа, пока остальных вытаскивали. Когда всё закончилось, у него почти не осталось голоса, а на руках — живого места. С тех пор он почти не поднимал поток выше учебного уровня и предпочитал учить других.

— Огонь любит эмоции, — сказал он без предисловий. —

Злость, страх, радость, даже скука. Ваша задача — сделать так, чтобы он слушал не эмоцию, а приказ. Сегодня работаем на отделение чувства от потока.

Он не был жестоким, но и тёплым его назвать было нельзя. Когда кто-то из студентов вспыхивал слишком сильно, Хейл просто гасил пламя точным жестом и говорил:

— Ещё раз. И без истерики.

Я справилась лучше многих, но все равно не идеально. Годы сдерживания огня в кузнице дали о себе знать. Но когда Хейл подошёл ближе и тихо сказал: «У тебя хороший контроль, но ты держишь огонь как врага. Попробуй отнестись к нему как к инструменту», — внутри что-то неприятно кольнуло. Он был прав.

Земляные занимались в соседнем зале с низким потолком и полом из утрамбованной глины. По рассказу Миры и Томаса за ужином, их преподаватель — пожилой магистр с тихим голосом и вечно полуприкрытыми глазами — был спокойным до сонливости. Он почти не повышал тон и требовал прежде всего устойчивости. Студенты подолгу стояли на одном месте, вдавливая в пол ладони или собирая из грунта тяжёлые формы, пока земля не начинала слушаться без трещин и лишних вибраций. Кто торопился — получал лишь короткое: «Ещё раз. Медленнее».

Воздушные, по словам Эдрика, попали к женщине с резким характером и короткой серебристой стрижкой. Она заставляла их ловить собственный поток в движении: бегать,

резко останавливаться, менять направление, одновременно удерживая воздух между ладонями. Ветер всё время норovil сорваться, и зал постоянно оглашался хлопками и чужими ругательствами.

Водные работали у учебного пруда за восточным корпусом. Вода там была магически успокоенной, почти неподвижной. Их заставляли поднимать тонкие столбы, создавать сферы и проводить потоки по сложным траекториям, не поднимая брызг.

А свет и тень занимались в одном зале — тёмном, с высокими зеркалами вдоль стен и приглушёнными рунами на потолке. Их было мало, поэтому разделять не стали. Световые учились собирать чистые вспышки и удерживать мягкое сияние, не ослепляя остальных. Носители тени — редкие и почти всегда тихие — работали с полумраком: сгущали его, делали менее заметными контуры, учили тень «прилипать» к поверхностям. Зеркала отражали и свет, и чужие силуэты, поэтому ошибаться было особенно обидно.

А вечером нас ждал Кайдэн.

Малый зал третьего корпуса был тихим и почти пустым. Только семь человек и он. Кайдэн стоял в центре, без плаща, в простой тренировочной форме. Выглядел он моложе и как-то... обычнее. Не как сын главы совета. Просто как человек, который собирается работать.

— Сегодня без оценок и без рейтингов, — сказал он. — Только тренировки. Я буду говорить вещи, которые на об-

щих занятиях обычно не произносят. Слушайте внимательно.

Он начал с основного.

— Первый опасный момент для всех новичков — откат. Когда вы слишком резко обрываете поток, сила бьёт внутрь. Особенно сильно это бьёт огонь и свет. Поэтому никогда не гасите резко, если поток уже разогнался. Сначала снижайте плотность, потом объём, и только потом отпускайте.

Он показал на себе. Над ладонью возник тонкий световой поток, потом рядом с ним — едва заметная водяная плёнка. Свет не вспыхнул и не погас резко. Он медленно сжался, вода приняла остаточную энергию, и всё исчезло без вспышки.

— Вот так. Красиво не обязательно. Безопасно — обязательно.

Потом он подошёл к каждому.

К Эдрику:

— Воздух срывается, когда ты начинаешь думать «лишь бы не сорвался». Перестань уговаривать его. Дай короткую команду и отпусти контроль на полсекунды. Он сам стабилизируется, если ты не паникуешь.

Эдрик попробовал. Ветер сначала дёрнулся, потом вдруг выровнялся.

К близнецам:

— Вы работаете всегда вместе и слишком синхронно. Это сила, но на рейтинге вас могут развести. Учитесь держать поток в одиночку. Хотя бы десять минут в день.

К Селине:

— Твой свет чистый, но слишком чувствительный. Когда нервничаешь — представляй, что сидишь на берегу озера и смотришь на отражение в воде. Свет любит спокойные поверхности.

К Томасу и Мире:

— Земля тяжёлая. Не пытайтесь её ускорять. Лучше сделайте плотнее. На защите это работает лучше, чем любые быстрые всплески.

А когда подошёл ко мне, остановился чуть дольше.

— Ты держишь огонь слишком глубоко. Это безопасно, но на рейтинге тебя будут проверять на скорость реакции. Научись поднимать его быстрее, не теряя контроля. Вот упражнение...

Он объяснил просто и точно: представить, что огонь — это не пламя, а раскалённый металл в кузне. Его не нужно зажигать каждый раз с нуля. Он уже горячий. Уже готов. Нужно только придать форму. Взять то, что уже есть внутри, и вывести наружу аккуратно, как клещами берут заготовку.

Я закрыла глаза на секунду. Вспомнила отцовский горн. Запах раскалённого железа. Тяжёлые щипцы. Металл, который светится ровным оранжевым светом и ждёт. Я выдохнула и подняла поток.

И в этот момент внутри груди на долю секунды отозвалось что-то ещё. Тонкое. Звучащее. Будто струна дрогнула. Я испугалась и сразу заглушила ощущение.

Шар собрался быстрее обычного. Не вспышкой, а именно так — будто я просто вынула уже готовое и держала. Ровный. Горячий. Послушный.

Кайден кивнул.

— Хорошо. Ещё раз. И запомни это ощущение. Теория, которую вам дают на лекциях, часто звучит сложно, потому что её пишут люди, которые уже всё умеют. А на практике почти всегда есть короткий путь. Я буду показывать эти пути. Но только здесь. На общих занятиях делайте вид, что ничего такого не знаете.

Эдрик тихо выдохнул:

— Это... правда сильно отличается от того, что было утром.

Кайден почти улыбнулся. Почти. Уголок рта дрогнул и сразу вернулся на место, будто улыбка была чем-то запретным.

— Утром вас учат выживать в системе. Здесь я учу вас не ломаться об эту систему. Разница существенная.

Я смотрела на него внимательнее, чем следовало.

Он говорил просто. Без высокомерия. Без привычки аристократов растягивать слова. Когда объяснял, чуть жестикулировал одной рукой — коротко, точно, будто сам ковал фразы. На запястье у него был старый тонкий шрам, который не прятал косметикой и не маскировал магией. Волосы чуть падали на лоб, и он не поправлял их каждые две секунды. А эта спрятанная улыбка... Она появлялась редко и сразу пря-

талась, будто он не имел права показывать, что ему действительно интересно.

Ещё я заметила другое. Пока он говорил, воздух в зале становился чуть ровнее. Свет — спокойнее. Мой огонь, который весь день бился и требовал выхода, рядом с ним вдруг залегал тише. Будто буря внезапно оказалась за толстым стеклом — всё ещё живая, но больше не способная достать.

Мы проработали почти полтора часа. К концу занятия даже Томас выглядел чуть менее каменным, а Селина перестала прятать руки. Я чувствовала усталость, но странную, правильную — такую, после которой хочется вернуться и попробовать ещё раз.

Когда Кайден отпустил группу, он задержался на мгновение рядом со мной.

— В библиотеке на втором этаже есть раздел по контролю эмоциональных аффинитетов. Третий стеллаж слева. Там есть одна старая тетрадь без названия. Она поможет тебе.

Я подняла глаза. Он уже смотрел в сторону выхода.

— Спокойной ночи, — коротко сказал он и ушёл.

Я осталась стоять ещё несколько секунд, а потом вернулась в комнату и долго сидела на полу, прижав ладони к холодному камню. Руки всё ещё горели от, кажется, бесконечного круга зажги-держи-контролируй-потуши-зажги. Но внутри было тихо. Огонь лежал спокойно, будто тоже слушал. Пришло осознание, что в Академии действительно

но можно не только выживать. Можно учиться. И, кажется, можно даже начать замечать людей, которых раньше предпочла бы обходить стороной.

Месяц назад я думала, что самое сложное в Академии – это магия.

Глава 6. Тонкий яд

Прошел почти месяц с начала обучения.

За это время Академия перестала казаться чужим сверкающим миром и стала местом с четким распорядком, запахами и правилами, которые уже почти не нужно было читать на стенах. Утро начиналось с колокола, теория – с сухого голоса магистра Восса, общие практики – с коротких резких команд Каэлы Ринн. Потом разделение по аффинитетам, ужин, вечерние занятия с Кайденом и короткие часы в библиотеке, прежде чем тело окончательно отказывалось слушаться.

Я привыкла вставать до рассвета. Привыкла к форме, которая сначала казалась чужой. Привыкла держать огонь настолько глубоко, что иногда забывала, каково это – просто позволить ему дышать. Привыкла к тому, что каждые две недели нас ждут контрольные на рейтинг внутри ранга «Миг», и что одно неудачное удержание потока может отбросить назад сильнее, чем месяц усердной работы.

Привыкла и к другому.

К взглядам.

К шепоту за спиной.

К тому, что провинциалов здесь не просто замечали – их отмечали.

Первые стычки начались тихо.

На второй неделе у меня из шкафчика пропал учебный

свиток по теории потоков. Вместо него лежал другой – с аккуратно переписанными, но намеренно искаженными формулами. Если бы я использовала его на практике, щит сложился бы внутрь. Я заметила подмену только потому, что бумага была слишком гладкой и дорогой для тех черновиков, которыми я обычно пользовалась. Кайден, увидев свиток у меня в руках вечером, только коротко спросил:

– Это не твое.

– Нет.

Он не спрашивал откуда. Не спрашивал кто. Просто поднял свободную ладонь. Тонкий, точный язык чистого света коснулся края пергамента. Бумага вспыхнула ровным белым пламенем без дыма и осыпалась мелким пеплом на каменный пол за несколько секунд. Запах гари стоял короткий, почти стерильный.

– В следующий раз сразу носи мне или выкидывай, – сказал он спокойно, но в голосе была слышна сталь. – Не носи весь день с собой.

Я кивнула. И с этого утра начала проверять шкафчик дважды: перед занятиями и сразу после.

Через несколько дней «случайно» перепутали расписание. Мне принесли записку, почерк официальный, сухой, почти канцелярский. «Общие практические перенесены. Дальний зал за оранжереей. Явка обязательна».

Дорога занимает почти четверть часа. Я пришла вовремя. Двор за старой оранжереей встречает меня мертвой ти-

пиной. Никаких студентов. Никаких преподавателей. Только закрытые двери обветшавшего корпуса, влажная земля под ногами и запах прелых листьев. Я стою посреди пустого пространства и чувствую, как внутри медленно, тяжело поднимается холодное понимание. Меня провели.

Я разворачиваюсь и почти бегу обратно.

Когда влетаю в основной тренировочный двор, занятие уже идет полным ходом. Все на местах. Потоки подняты. Воздух дрожит от чужой магии. Каэла Ринн стоит спиной, но оборачивается на звук моих шагов. Взгляд у нее сухой, короткий, оценивающий.

– Опоздание. Замечание.

Я останавливаюсь на самом краю строя. Грудь тяжело вздымается. Объяснять при всех – значит дать еще один повод для шепота. Поэтому молчу и держу спину прямо.

После занятия я дождалась, пока двор почти опустеет, и подошла к Каэле. Положила записку на край ее стола. Говорила коротко, без жалоб – только то, что произошло.

Каэла взяла бумагу, развернула одной рукой и медленно прочитала. Брови чуть сдвинулись. Потом она подняла на меня взгляд – прямой, тяжелый, без привычной сухости.

– Замечание снимаю, – сказала она ровно. – Но время занятия ты потеряла. За это будет двойная отработка. Завтра после основных практик останешься на час. Без обсуждений.

Я кивнула.

Каэла еще секунду смотрела на меня, потом добавила ти-

ше, почти без своего обычного металлического тона:

– В следующий раз, даже если записка выглядит идеально, проверяй. Спроси у кого-нибудь из группы. Посмотри на общий стенд. Доверяй в первую очередь себе, а не бумажке, которую тебе всучили в руки. Здесь слишком много людей, которым выгодно, чтобы ты опоздала, ошиблась или выглядела глупо. Не давай им этой возможности.

Она отложила фальшивую записку в сторону и уже другим, более жестким голосом продолжила:

– С этого дня любые изменения расписания будут вывешиваться только на специальном стенде у входа в главный учебный корпус. Доступ к нему – исключительно у преподавателей. Кто попытается что-то туда добавить без права – получит уже не замечание.

Каэла коротко кивнула, показывая, что разговор окончен, и развернулась к своим записям. Но перед тем как я отошла, бросила еще одну фразу, не поднимая головы:

– И еще, Вейн. Ты правильно сделала, что пришла и сказала. Многие предпочитают молчать. Не становись одной из них.

Мелочи копились.

Кто-то «нечаянно» задевал плечом в узком коридоре. Кто-то оставлял на парте учебник с вырванными страницами именно в том разделе, который должны были разбирать. Однажды на занятии по рунам мне подсунули чернила, которые через пару минут начинали расползаться по пергаменту

уродливыми кляксами. Я заметила вовремя и сменила перо, но несколько человек уже успели тихо фыркнуть.

Мира однажды обнаружила, что ее учебный камень для практики превратился в рыхлую серую крошку. Кто-то обработал его ослабляющим составом – аккуратно, без следов, так что утром камень просто рассыпался в руках, будто его месяцами держали в сырости. Она стояла посреди зала и молча смотрела на пыль на ладонях, пока преподаватель не подошел и не сказал короткое «Замените». Никто не признался. Никто даже не улыбнулся слишком явно. Просто несколько человек из богатых домов чуть дольше обычного переглянулись.

Эдрику «случайно» подлили в воду на обеде что-то бесцветное и почти безвкусное. Через четверть часа воздух вокруг него стал тяжелым, вязким, непослушным. Каждый поток, который он пытался собрать, расплзался, как мокрая тряпка. Он просидел два часа, бледный и злой, пока действие не прошло. За соседним столом кто-то тихо заметил: «Бедный мельник. Даже ветер от него отворачивается».

Селину в столовой громко спросили, не из служанок ли она, раз так тихо просит добавки. Ей несколько раз подкладывали на парту чужие исписанные черновики с пометкой «для тех, кому трудно успевать». А однажды утром она обнаружила, что кто-то очень аккуратно высыпал в ее чернильницу мелкий песок – ровно столько, чтобы перо постоянно царапало и оставляло кляксы.

Томаса недолюбливали за другое. Он почти не разговаривал и смотрел слишком прямо – без положенной провинциалам почтительности, без отведенных глаз. Это раздражало сильнее любой дерзости. Иногда на его месте оказывался чужой плащ или сумка, и приходилось тратить время, чтобы найти свои вещи. В узких проходах между стеллажами библиотеки его нарочно задевали плечом, а потом громко и сладко извинялись, будто случайно задели что-то тяжелое и неудобное. На практике по земле кто-то несколько раз подряд оставлял рядом с его кругом мелкие камешки, которые при работе с грунтом предательски попадали под ладонь и сбивали плотность. Томас никогда не отвечал. Только продолжал идти своим тяжелым ровным шагом.

Однажды кто-то громко сказал ему вслед:

– Камень с каменоломни. Даже говорить не научили.

Провинциалов здесь не били открыто. Их медленно, методично ставили на место.

А потом появилась Вивиенна Астория.

Я узнала ее сразу – ту самую рыжеволосую девушку из кареты на дороге к столице. Высокая, с волосами цвета осенней листвы, которые она носила либо в идеальной высокой прическе, либо свободно распущенными, чтобы они ловили свет. Солнечные веснушки на бледной коже. Янтарные глаза. Голос, который мог разрезать воздух, даже когда она говорила тихо.

Она никогда не оскорбляла прямо.

Только улыбалась уголком губ и роняла фразы так, чтобы слышали все вокруг.

Впервые она обратилась ко мне в коридоре после теории.
– Вейн, – произнесла она слегка удивленно, будто только что вспомнила имя. – Интересно, как долго продлится этот эксперимент Совета? Тебе, как подопытной, не рассказывали?

Несколько человек рядом тихо засмеялись. Я шла дальше, не отвечая. Огонь внутри шевельнулся – горячий, обидчивый. Я загнала его обратно.

Через день в столовой Вивиенна села за соседний стол и, глядя прямо на меня, довольно громко заметила:

– Осторожнее с супом, Вейн. Вдруг он решит, что ты слишком горячая, и вскипит.

Несколько человек фыркнули. Кто-то из ее компании даже прикрыл рот ладонью, изображая сдержанный смех.

Я спокойно подняла глаза.

– Спасибо за заботу. Но мой суп пока вежливее некоторых людей.

Тишина на секунду повисла. Потом кто-то в дальнем конце стола тихо, но отчетливо засмеялся. Вивиенна приподняла бровь. Уголки ее губ дрогнули – то ли от раздражения, то ли от чего-то похожего на интерес.

Кайдэн не был рядом в столовой и не ходил по коридорам первокурсников без нужды. Но свет у него был слишком чувствительным, а вода слишком хорошо отражала чу-

жие эмоции. Он начинал замечать закономерности раньше, чем кто-либо успевал рассказать ему о происходящем.

Замечал, как Селина стала еще тише обычного после определенных занятий. Как Мира иногда приходила на вечерние тренировки с плотно сжатыми губами. Как Эдрик внезапно терял свой обычный легкий тон и надолго замолкал. Как Томас хмурился сильнее, чем обычно.

Мы заканчивали дополнительную тренировку, когда он вдруг сказал:

– Они ждут реакции.

– А мы ждем, когда у них закончится фантазия.

Он рассмеялся – низко и неожиданно тепло.

– Это может занять годы.

Я пожала плечами и продолжила собирать учебный шар. Но внутри все равно оставался неприятный осадок.

Вивиенна не останавливалась.

Она никогда не действовала в одиночку. Вокруг нее постоянно крутилась небольшая свита – сыновья и дочери средних и крупных домов, которые смеялись над ее шутками чуть громче, чем следовало, и смотрели на провинциалов чуть дольше, чем позволяла вежливость. Она умела говорить так, что формально придрасться было невозможно. «Случайные» вопросы о том, как живет в казенной форме. Замечания о том, что некоторые люди «слишком стараются, будто от этого зависит их будущее». Улыбки, когда кто-то из нашей группы ошибался на общей практике.

Однажды на занятии по теории она «случайно» громко спросила у соседки, правда ли, что в некоторых деревнях до сих пор учат магии по обгоревшим свиткам. Соседка хихикнула. Несколько взглядов скользнули в мою сторону. Я продолжала писать и не подняла головы.

В другой раз после практики по огню кто-то подменил мне учебный кристалл для стабилизации потока. Кристалл оказался с трещиной. Когда я начала работу, он резко лопнул, осыпав ладонь мелкими острыми осколками. Кровь выступила сразу. Хейл подошел, коротко осмотрел руку и бросил: – Замечание за неосторожность. В следующий раз проверяйте инвентарь.

Я молча кивнула. Кровь жгла сильнее, чем следовало. Огонь внутри рвался наружу от боли и унижения. Пришлось уйти в пустой коридор и долго дышать, пока дрожь не отпустила.

Вечером того же дня Кайден увидел повязку сразу, я только переступила порог малого зала, а его взгляд уже остановился на моей ладони.

Он стоял у окна, разбирая учебные кристаллы для вечерней тренировки, и на секунду замер. Свет в зале чуть дрогнул – едва заметно, но я уже научилась чувствовать, когда его аффинитет реагирует раньше, чем он сам.

– Руку, – коротко сказал он.

Я протянула ладонь. Он размотал повязку осторожно, почти профессионально. На коже остались тонкие красные ца-

рапины и один более глубокий порез, который я уже успела обработать. Кровь давно остановилась, но следы были свежими.

Кайден молчал дольше, чем обычно. Пальцы на мгновение сжались на краю бинта так, что побелели костяшки. Потом он выдохнул через нос – медленно, контролируемо – и снова заговорил уже спокойным голосом:

– Кто?

– Не знаю, – честно ответила я. – Кристалл был в общей связке. Я проверила его перед занятием... но трещину было почти не видно.

Он кивнул, будто ожидал именно этого ответа. Аккуратно наложил чистую повязку сам, хотя я уже могла сделать это самостоятельно. Движения были точными, чуть жесткими.

– Будете брать инвентарь, только подготовленный мной, – сказал он наконец. – Пока не разберемся. Общие связки больше не трогать.

Я хотела возразить, что это привлечет еще больше внимания, но он поднял глаза. В серых зрачках было то самое выражение, которое появлялось редко: не холодная сдержанность наставника, а что-то более жесткое и личное.

– Это не обсуждается, Элара.

Он редко называл меня по имени. Обычно – «Вейн». Сейчас имя прозвучало тихо и твердо, а сердце сделало кувырок.

Я кивнула.

Кайден еще раз взглянул на повязку, потом отступил на

шаг и отвернулся к столу с кристаллами. Плечи у него оставались напряженными еще несколько минут. Свет в зале стал ровнее обычного – слишком ровным, будто он специально удерживал аффинитет под более жестким контролем, чем требовалось.

Только когда мы начали тренировку, он снова заговорил обычным тоном. Но я уже успела заметить: инцидент с кристаллом задел его сильнее, чем он хотел показать.

Атмосфера накалялась постепенно, как вода, которую медленно доводят до кипения. Провинциалы начали держаться ближе друг к другу. Мы стали садиться за один стол. Ходить на занятия маленькой группой. Проверять вещи друг друга. Это не спасало полностью, но делало воздух чуть менее ядовитым.

Вивиенна однажды это заметила.

– Смотрите, – произнесла она с легкой улыбкой, когда мы проходили мимо. – У нас тут уже целый кружок взаимопомощи. Как трогательно.

Я остановилась. Посмотрела на нее прямо.

– Взаимопомощь – это когда люди не боятся стоять рядом, – сказала я спокойно. – Вам, наверное, сложно понять.

На секунду в янтарных глазах вспыхнуло что-то острое. Потом Вивиенна улыбнулась шире.

– Еще увидимся, Вейн.

И прошла мимо, оставляя за собой легкий запах дорогих духов и ощущение, будто воздух стал холоднее.

Вечером, когда группа уже разошлась, а я задержалась собрать кристаллы, Кайден вдруг сказал:

– Она из дома Астория, – сказал он без предисловий. – Отец в Совете. Влиятельный. Прямых ударов не будет. Только то, что ты уже видишь. Они не остановятся сами.

– Я знаю.

– И все равно продолжаешь молчать больше, чем нужно.

– Если отвечать на каждое слово, им станет только интереснее.

Кайден молчал несколько секунд. Потом тихо выдохнул.

– Это не значит, что ты должна проглатывать все в одиночку.

Он подошел ближе, остановился в двух шагах и впервые за долгое время позволил себе говорить без привычной сдержанности наставника.

– Я вижу, как они работают. Не прямо. Грязно. Они выбирают тех, кто не может ответить тем же весом имени. И делают это так, чтобы формально придаться было невозможно. Это трусость. Дорогая, хорошо одетая, с правильными улыбками – но все равно трусость.

Его голос оставался спокойным, но свет вокруг него стал чуть резче. Вода в воздухе – тяжелее.

– Я не могу запретить им разговаривать. И не могу стоять за спиной у каждого из вас весь день. Но если кто-то перейдет черту – даже на миллиметр – вы приходите ко мне сразу. Не после, не когда «сами разберетесь». Сразу.

– Хорошо.

Кайден еще мгновение смотрел на меня, потом отвел взгляд к окну.

– И еще. Не позволяй им заставить тебя думать, будто ты здесь лишняя. Ты прошла те же испытания. Ты держишь контроль лучше половины тех, кто над тобой смеется. Разница только в том, что у них за спиной гербы, а у тебя – ничего, кроме собственной силы. Именно поэтому они и злятся.

Он замолчал. Потом добавил тише, почти себе под нос:

– Идиоты.

Это было самое эмоциональное, что я от него слышала.

Ночью, лежа в комнате и глядя в потолок, я думала о том, что Кайден прав, здесь работают очень тонко. Никаких открытых ударов. Никакой прямой магии против тебя. Все остается в рамках «шуток», «случайностей» и «недоразумений», за которые невозможно было получить настоящее наказание, но от которых внутри начинает тлеть. Никто не оставлял серьезных травм. Но именно поэтому они выматывали лучше любых отработок на практиках. Каждое утро приходилось проверять вещи. Каждую минуту – держать спину прямо и лицо спокойным. Каждую насмешку – проглатывать. Огонь требовал выхода. Требовал ответить. А я продолжала держать его на коротком поводке, потому что одно необдуманное движение – замечание, падение рейтинга, разговоры о том, что провинциалы не умеют себя контролировать. А далее мысли в Совете о разделении Академий

на элиту и «благотворительность».

Оказалось, самое сложное – это люди, которые улыбаются, пока подкладывают тебе угли под ноги. И Вивиенна Астория улыбалась лучше всех.

Глава 7. То, что нельзя сдержатъ

Тихая травля не заканчивалась. Она тянулась изо дня в день тонкой, липкой нитью.

На очередном общем занятии один из богатых студентов «случайно» направил порыв ветра прямо в меня, когда я отработывала трансформацию огненного шара в вихрь. Шар вспыхнул ярче, чем нужно, и подпалил край его плаща. Я успела погасить.

– Прости, – сказала я максимально вежливо. – Огонь иногда путает направление, когда в него дуют.

Преподаватель сделал вид, что ничего не заметил. Вивинна с соседней парты тихо фыркнула, но я слышала:

– Элегантнее, чем я ожидала.

День обещал быть насыщенным, после общих занятий нас ждал очередной рейтинг внутри «Мига». Нас снова собрали в тренировочном зале, но круги на полу были другими – меньше, а внутри каждого вместо одного кристалла стояли три. Воздух пах озоном и легкой гарью: кто-то из предыдущего потока явно не справился с контролем.

Магистр объявил коротко:

– Сегодня проверка не на «можете ли вы держать поток». А на то, умеете ли вы управлять им в движении и под сбивающим фактором. Кто привык стоять столбом – будет неприятно.

Первая часть оказалась самой динамичной.

Нужно было не просто вызвать поток, а провести его по заданной траектории. Над кругом вспыхивали тонкие световые метки – сначала на уровне груди, потом выше, потом резко смещались в сторону. Огненный шар требовалось перемещать точно по этим точкам, не растягивая и не сжимая его сильнее дозволенного. Любое отклонение, любая искра, любой сбой плотности фиксировались боковыми кристаллами.

Я подняла огонь. Шар собрался привычно, тяжелый и ровный. Первая метка – прямо перед собой. Вторая – выше и правее. Я повела поток медленно, контролируя каждый сантиметр. Жар внутри слушался, но уже требовал внимания. Когда метка резко прыгнула влево и вниз, пришлось развернуть запястье и одновременно удержать форму. Шар дрогнул, но не рассыпался. Кто-то справа ругнулся сквозь зубы – у него поток сорвался и ударил в край круга.

Вторая часть добавила внешнее давление. Пока ты вел шар по новым меткам, преподаватель короткими импульсами бил то воздухом, то слабым световым толчком. Удары шли неритмично. Задача была не защититься, а продолжать движение, не теряя ни траектории, ни плотности магии.

Я старалась дышать глубоко. Огонь хотел ответить на каждый толчок. Приходилось удерживать его так же, как когда-то удерживала раскаленный металл в клещах: не душить, но и не давать воли. Когда особенно жесткий импульс при-

шелся сбоку, шар на мгновение вытянулся, но я успела вернуть ему форму до того, как кристалл успел вспыхнуть красным.

Третья часть была на обрыв и восстановление в условиях остаточного давления. Нужно было полностью погасить поток, выждать шесть секунд и собрать его заново, пока пространство вокруг еще дрожало от чужих ударов.

Я гасила медленно, слой за слоем. Пауза. Потом – не вспышка, а снова то самое ощущение раскаленной заготовки, которую просто вынимаешь из горна, как учил Кайден. Шар встал на место ровно.

Когда все закончилось, пальцы дрожали уже открыто. Не от слабости – от того, сколько силы пришлось удержать внутри, вместо того чтобы выпустить.

Кристалл под ногами светился ровным белым светом. Без красных вспышек. Без предупреждений. Кайден говорил не бояться себя хвалить за успех. Говорил это спокойно, почти буднично, но так, что слова врезались глубже любых лекций.

Ну что же. Я молодец. Я удержала траекторию. Не сорвалась на давлении. Собрала поток заново без отката. Кристалл горит белым – значит, формально все чисто.

И все равно взгляд цепляется за мелочи. Во второй метке шар на долю секунды потерял плотность. На боковом ударе я чуть сильнее обычного вжала жар внутрь – можно было мягче. На восстановлении подняла огонь на полтора удара сердца позже, чем хотела бы.

Хорошо. Но могла лучше.

И я уже понимала: каждый следующий рейтинг будет требовать все больше. И просто «удержать шарик» больше никто не попросит.

– Результаты будут на доске после обеда. Кто получил больше двух срывов – готовится к повторной проверке через два дня. Рейтинг ниже черты два цикла подряд – возврат на предыдущий уровень. У вас предыдущего нет. Так что падать будет особенно обидно.

После занятий я шла одна по узкому коридору между библиотекой и восточным крылом. Свиток с разобранными формулами был зажат под мышкой, пальцы еще пахли чернилами и пылью старых страниц. День выдался тяжелым. И хоть утренний рейтинг прошел нормально, огонь после него все равно оставался слишком близко к поверхности. Я чувствовала его тепло под кожей, будто раскаленный металл, который еще не успел остыть. Каждый шаг отдавался внутри легкой дрожью напряжения.

Я думала только о том, чтобы дойти до комнаты, умыться холодной водой и наконец выдохнуть.

Но мне не позволили. Из бокового коридора выплыли трое, будто только и ждали моего появления. Двое стояли чуть в стороне, у стены, а третий – высокий, с идеально уложенными светлыми волосами и гербом, который я уже успела запомнить, – загородил дорогу. Он до сих пор не успел сменить свой подпаленный плащ на новый. Улыбался широ-

ко, почти приветливо. Слишком приветливо.

– Вейн, – протянул он с легким удивлением, будто только что меня заметил. – А правда, что твой отец... как его там... теневик? Говорят, даже в собственной кузнице от него толку было мало. Лошади нервничали, металл остывал... Слабоватый аффинитет, видимо.

Один из стоявших сзади тихо фыркнул. Второй прикрыл рот рукой, но глаза смеялись.

Я остановилась.

Слова упали тяжело. Не потому что были новыми. Я слышала подобное и раньше. Но сегодня, когда огонь и так едва держался на коротком поводке, они ударили точнее, чем обычно. Внутри что-то тонко и зло дернулось.

– Тень – это для воров и тех, кому не хватило нормально-го аффинитета, – продолжал он, все еще улыбаясь. – Обычно ею компенсируют... недостаток. Наверное, поэтому ты и сама такая... горячая. Компенсируешь семейную слабость.

Тут подал голос один из молчавших. Говорил негромко, почти лениво, глядя куда-то в сторону:

– А я еще кое-что слышал... про какую-то старую историю с кражей. Вроде как имя твоего отца там тоже мелькало. Конечно, детали уже никто не помнит.

Он произнес это легко, будто речь шла о погоде. Для меня это стало последней каплей. Потому что было правдой.

Семь лет назад из дома местного торговца в Редстоуне пропали серебряные изделия – пара тяжелых подсвечников

и небольшой ларец с фамильной печатью. Вещи были не самые дорогие, но заметные. Торговец, человек с связями в городской управе, сразу указал на отца. Наш дом стоял рядом с его складами, отец иногда брал мелкие заказы на ремонт металлической фурнитуры, и у него был аффинитет тени – слабый, почти бесполезный, но достаточный, чтобы в чужих глазах выглядеть «удобным» подозреваемым.

Появились двое «свидетелей», которые якобы видели, как кто-то похожий на отца выходил со склада поздно вечером. Отца задержали. Дома у нас устроили обыск. Мама сидела на кухне и молча держала меня за руку, пока чужие люди переворачивали все вверх дном.

Разбирательство длилось меньше двух недель. Настоящего вора нашли быстро – оказался помощник самого торговца, который пытался списать пропажу на удобного человека. Перед нашей семьей официально извинились. Но запись в канцелярии осталась. И слухи остались. А любой студент с нужными связями мог за один вечер поднять старое дело и решить, что это отличный повод для разговора в коридоре.

Огонь поднялся резко.

Не вспышкой – волной. Жар ударил от груди к горлу, разлился по рукам тяжелым, почти сладким теплом и добежал до кончиков пальцев. Я чувствовала, как он ложится под кожу ровным, послушным слоем. Не хаосом. Не слепой яростью. Точным, злым инструментом.

Плащи. Только плащи.

Темно-синий с серебристой каймой у того, кто говорил. Более светлый, с вышитым гербом у второго. Простой, но дорогой черный у третьего. Я знала, что могу провести тончайшую линию жара по самому краю ткани – аккуратно, без брызг, без удара по коже. Ровно настолько, чтобы сукно вспыхнуло черными пятнами, пошло дымом и осыпалось пеплом. Чтобы они отскочили. Чтобы ухмылки слетели с лиц. Чтобы на мгновение их гордость и надменность остались без привычной оболочки.

Я могла сделать это чисто. Я уже почти отпустила.

Только ткань. Только их самодовольство.

Контроль скользил. Пальцы сами дрогнули, готовые выпустить сразу три тонкие, злые нити жара. Еще мгновение – и воздух пахнул бы паленым сукном.

– Достаточно.

Голос Кайдена прозвучал спокойно. Но в этом спокойствии была такая плотность, что воздух в коридоре будто стал тяжелее. Все трое одновременно обернулись.

Он шел без видимой спешки. Плащ распахнут, руки свободно опущены вдоль тела. Но свет вокруг него уже сгустился – не яркой вспышкой, а ровным, жестким свечением, от которого тени под стенами стали резкими, почти черными. Лица троих внезапно оказались слишком хорошо видны: каждая неуверенность, каждая капля чужого злорадства.

– Вы блокируете проход, – сказал Кайден ровно. – И тратите время на разговоры, которые не делают чести ни одно-

му дому. Пошли вон.

Тот, что говорил, еще пытался сохранить улыбку. Она вышла кривой.

– Мы просто...

– Вон, – повторил Кайден. И на этот раз в голосе появился металл. Тонкий, холодный, не терпящий возражений.

Они посторонились. Быстро. Почти неуклюже.

Кайден остановился рядом со мной. Не коснулся. Даже не протянул руку. Просто встал так, что оказался между мной и ними, закрывая собой. Я все еще чувствовала, как огонь бьется под кожей, требуя выхода. Дыхание сбилось. В ушах шумело. Пальцы покалывало от сдержанного жара.

– Идем, – тихо сказал он.

Мы прошли мимо молча. Я чувствовала спиной чужие взгляды, но уже не оборачивалась. Только когда мы свернули за угол и чужие шаги остались далеко позади, я позволила себе остановиться. Прислонилась спиной к холодной каменной стене и медленно выдохнула. Жар неохотно, тяжело оседал обратно, оставляя после себя противную слабость в руках.

– Ты почти... – начал Кайден.

– Знаю, – перебила я хрипло. Голос прозвучал чужим. – Почти.

Он остановился напротив. Смотрел внимательно, не отводя глаз. Свет в его зрачках был спокойным, но усталым. Таким, каким бывает свет у человека, который слишком долго

все замечает.

– Руки дрожат, – сказал он не вопросом, а утверждением. Я спрятала их в рукава. Ткань сразу стала теплой от остаточного жара.

– Пройдет.

Кайден молчал несколько долгих секунд. Я слышала, как где-то вдалеке капает вода в старых трубах, как скрипит чья-то дверь. А между нами висело тяжелое, почти осязаемое молчание.

Потом он сделал шаг вперед.

Не резко. Не импульсивно. Просто шаг. Его руки легли мне на спину – крепко, уверенно, без лишней осторожности. Он притянул меня к себе и обнял так, будто это было единственным, что сейчас имело смысл. Ладони были теплыми даже сквозь ткань формы, пальцы чуть сжались у лопаток, фиксируя, но не ограничивая. Я почувствовала жесткую линию его плеча, плотную ткань плаща под щекой, ровное, глубокое дыхание, которое на мгновение сбилось, а потом выравнилось. Тепло его тела было спокойным, совсем не похожим на мой рвущийся жар – ровным, устойчивым, будто кто-то положил тяжелое теплое покрывало на дрожащие мышцы. Я замерла, а потом медленно выдохнула в его плечо. Огонь внутри, который еще секунду назад бился и требовал выхода, вдруг затих. Не исчез. Просто перестал рваться.

Кайден не говорил ни слова. Только держал. Достаточно долго, чтобы дрожь в руках начала отпускать. Потом чуть

ослабил объятия и отступил на полшага, все еще оставляя ладонь у меня на лопатке.

– С этого дня занимаемся отдельно, – сказал он наконец. Голос снова стал ровным, но теперь в нем не было наставнической отстраненности. – Дополнительно. Только ты и я. После основных тренировок группы.

Я подняла глаза. Внутри все еще дрожало.

– Почему?

– Потому что ты держишь слишком много и слишком долго, – ответил он просто. – И потому что в какой-то момент этого контроля может не хватить. Я лучше увижу заранее, где именно у тебя проходит край. Пока ты еще можешь вовремя остановиться.

Я хотела возразить. Сказать, что справлюсь сама. Что не нужна мне особая опека. Но слова застряли где-то в горле. Потому что он был прав. И потому что впервые за все эти недели рядом стоял человек, который не ждал, пока я сломаюсь, а пытался не дать этому случиться.

В груди было странно. Стыдно за сорвавшийся контроль. Злость на тех троих. И еще что-то теплое, осторожное, почти пугающее – от того, как спокойно и твердо он сейчас говорил.

– Хорошо, – тихо сказала я.

Он кивнул. Коротко. И мы пошли дальше по коридору, уже не говоря ни слова.

Вивиенна Астория

Я стояла в полутени высокой арки, прислонившись плечом к холодному камню, и слушала.

Не специально. Просто шла в библиотеку короткой дорогой и успела услышать достаточно. Сначала – привычные ядовитые подколки про провинциалку. Потом – про тень. А когда один из них лениво бросил фразу, задевшую честь ее отца, внутри у меня что-то резко и неприятно сжалось.

Тень.

У моей матери был тот же аффинитет. Не слабый. Сильный. Настолько сильный, что в юности ей приходилось постоянно доказывать: она не воровка, не шпионка и не подозреваемый. Ее обвиняли в вещах, которых она не делала. От нее отводили глаза. Ей отказывали в местах, которые она заслуживала по праву таланта. Она научилась улыбаться в ответ и работать еще точнее и чище, чем большинство тех, кто говорил о тени с презрением. Научилась использовать свой дар во благо – скрывать раненых, глушить чужие слезки, прикрывать тех, кого пытались уничтожить чужой грязью. Но цена была высокой. И я слишком хорошо помнила, как мама молчала на заседаниях Совета, когда в ее сторону летели двусмысленные намеки. Отец обычно обрывал это одной короткой фразой – спокойной, точной и такой тяжелой, что после нее в зале надолго воцарялась тишина.

Именно поэтому сейчас мне было тошно.

Когда трое, уже менее довольных собой, видимо, потому что им сорвали какой-то слишком «умный» план, направи-

лись обратно, я шагнула вперед и перехватила того, кто говорил. Подошла близко. Слишком близко. Улыбнулась своей обычной острой, почти ласковой улыбкой – той самой, которую все принимали за хорошее настроение.

– Повтори, – тихо попросила я. Голос прозвучал мягко, но я чувствовала, как янтарные глаза становятся холодными. – Что ты только что сказал про тень и чужих отцов?

Он замялся. Лицо начало уродливо вытягиваться из-за удивления.

Я все еще улыбалась, но внутри не было ничего веселого. Только тяжелое, злое спокойствие.

– В моем доме есть правило, – произнесла я почти шепотом. – Семья – неприкосновенна. Даже чужая. Особенно когда человек не может ответить тебе тем же весом имени и положения. Еще раз услышу что-то подобное – и разговор будет уже не со мной. А с теми, кому ты точно не захочешь ничего объяснять.

Я говорила тихо. Но он побледнел так, будто я кричала ему в лицо. Сглотнул, кивнул и быстро ушел, почти не глядя на своих спутников.

Я осталась стоять у арки еще несколько секунд. Пальцы слегка покалывало от сдержанного раздражения. Хотелось пройтись дальше и добавить что-то более жесткое. Но хватило. Иногда одного точного удара достаточно.

Больше он к Вейн не подойдет.

А вечером того же дня, уже из другого конца коридора, я

мельком видела, как Кайден Торн ведет ее в сторону малого зала. Один. Без группы. Выглядел он серьезнее обычного.

Интересно. Кажется, провинциалочка успела зацепить не только чужие языки.

А потом, уже по дороге в свою комнату, поймала себя на мысли, от которой стало почти неловко. Я еще не встречала такую сильную девчонку. Ее не смогли сломать за первую неделю – хотя пытались достаточно усердно. Мало того, она каким-то образом помогала не сломаться другим. Они смотрели на ее реакцию, чувствовали эту тихую, упрямую силу и брали с нее пример. Держали спину прямее. Молчали увереннее. Не сыпались.

Это было достойно уважения.

И впервые за все эти недели я поймала себя на странном вопросе: а почему я вообще начала ее задевать?

Я привыкла проверять людей. Короткими, точными шпильками, легкими уколами в самое чувствительное место. Так сразу становилось видно, кто осыпается, кто начинает лебезить и заглядывать в рот, а кто пытается ответить грязью. Слабых отсеивала быстро. Лживых – еще быстрее. Это было удобно. Привычно. Безопасно.

С провинциалами я обычно даже не общалась. Дед с детства вбил в голову простую истину: держись своего круга. Там больше возможностей, меньше лишних рисков и куда понятнее правила. Чужие – это чужие. Тратить на них время бессмысленно.

Но с Вейн вышло иначе.

Первая подколка получилась почти сама собой. Вокруг только и болтали о какой-то выскочке из кузницы: слишком старается, слишком много знает. Я бросила одну фразу – скорее по привычке, чем по настоящему интересу. А она ответила. Спокойно. Прямо. Глядя в глаза. И мне, надо признаться, это понравилось.

Мало кто мог ответить мне без дрожи в голосе и без попытки либо оправдаться, либо ударить в ответ чем-то ядовитым. А у нее было это странное железное спокойствие. Не высокомерие. Не вызов. Просто твердость.

С тех пор я продолжала. Уже не только по привычке. Хотелось снова увидеть эту реакцию. Хотелось проверить, где все-таки пройдет трещина. А трещины все не было. И чем дольше ее не находилось, тем труднее становилось делать вид, что все это – просто скука и старая привычка ставить людей на место.

Впервые за долгое время мне не хотелось выигрывать этот маленький, ядовитый поединок. И именно это пугало сильнее всего.

Элара

Вечером мы пришли в тренировочный зал. Без группы. Без лишних светильников. Только несколько учебных кристаллов на столе и он сам – без плаща, с чуть растрепанными после долгого дня волосами.

– Сегодня работаем только с краем, – сказал он, когда я за-

крыла за собой дверь. – С тем местом, где контроль начинается скользить. Покажи, как далеко ты можешь зайти, прежде чем огонь перестанет слушаться. Я буду рядом.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри медленно отпускает тугой узел, который весь день держал меня прямо. Он не спрашивал, чтобы оценить. Он спрашивал, чтобы успеть поймать, если я снова сорвусь.

И впервые за все эти недели между нами легло что-то новое. Не просто уважение. Не просто обязанность наставника перед подопечной.

Тихая, осторожная близость людей, которые уже видели друг друга на грани – и не отвели взгляд.

Я кивнула и вышла в центр зала. Подняла огонь медленно, привычно. Сначала плотный шар. Потом начала добавлять жар, слой за слоем, подпуская его ближе к той черте, за которой контроль всегда начинал дрожать. Кайдэн стоял в нескольких шагах, спокойный, собранный, свет вокруг него едва заметно сгустился – готовность без напряжения.

– Еще, – тихо сказал он. – Не торопись. Чувствуй, где скользит.

Я добавила. Огонь стал тяжелее, горячее, почти живым. Внутри груди знакомо заныло – та самая граница, после которой поток уже не просил, а требовал. Я вдохнула глубже, попыталась пойти дальше. И в этот момент страх пришел раньше, чем мысль.

Резкий, животный. Огонь рванулся наружу раньше, чем

я успела его осадить. Жар ударил вверх по рукам, вспыхнул ярче дозволенного, готовясь сорваться свободным пламенем.

Кайден оказался рядом мгновенно.

Его руки сомкнулись у меня за спиной – крепко, уверенно. В ту же секунду вода поднялась вокруг нас прохладной, плотной волной и накрыла вырывающийся огонь. Шипение. Пар. Резкий контраст жара и холода. Пламя погасло, не успев разгореться по-настоящему.

Мы замерли.

Одежда на нас обоих стала мокрой и тяжелой. Вода стекала по рукавам, холодом пробиралась к коже. Я дышала часто, почти рвано, чувствуя, как сердце колотится слишком громко. Кайден тоже дышал тяжелее обычного – его грудь поднималась и опускалась рядом с моей. Он все еще держал меня, с каждым вздохом, кажется, прижимая все ближе.

И в этот момент в голову пришла совершенно неуместная мысль: Я скоро привыкну к его объятиям. Самое смущающее было даже не это. А то, что мысль эта мне очень нравилась.

Я попыталась сразу же закопать ее глубже – туда, где обычно прячу все лишнее. Но она уже успела оставить после себя теплое, опасное эхо.

Мы простояли так еще почти минуту, просто отдышаться. Мокрые. Близко. Пока дрожь в руках наконец не начала отпускать.

Потом Кайден резко отступил на шаг. Ладони исчезли со

спины, и холодок от мокрой ткани сразу стал ощутимее.

– Контроль держим, я понял где граница, – сказал он чуть хрипло. – Будем ее расширять медитацией. И давай пытаемся высушить одежду. Твоей магией.

Я моргнула.

– Огнем?

– Не огнем. Ты будешь работать с водой, которая уже здесь. Чувствовать противоположную стихию и воздействовать только на нее. Не испарять все подряд. Не жечь ткань. Просто забрать влагу.

Он коротко объяснил: представить воду как поток, который можно аккуратно отделить и увести. Направить тепло не в материал, а в саму влагу – тонко, точно, без лишнего жара.

Я закрыла глаза. Начала с себя, чтобы лучше понимать силу воздействия. Сначала получилось плохо – ткань нагрелась сильнее, чем нужно. Потом я замедлилась, вслушалась. Нашла прохладные нити влаги между волокнами и начала очень осторожно выталкивать их наружу. Медленно. Почти ювелирно.

Через несколько минут форма на мне стала лишь слегка влажной. На Кайдене – тоже. Он кивнул.

– Достаточно. Хорошая работа.

Мы оба все еще дышали глубже обычного, но напряжение уже было другим – не от срыва, а от концентрации.

– Теперь садимся, – сказал он. – Основы медитации. Те-

бе нужно научиться возвращать огонь не только силой, но и через тишину. Иначе край каждый раз будет находить тебя первым и постоянно сжиматься.

Я опустилась на пол прямо там, где стояла. Каменные плиты еще хранили прохладу. Кайден сел напротив, на расстоянии вытянутой руки.

– Закрой глаза. Дыши медленнее, чем хочется. И не гони огонь вниз силой. Просто позволь ему остыть рядом с тобой. Как металлу в горне, которому больше не нужна жаровня.

Я закрыла глаза.

В зале стало совсем тихо. Только наше дыхание и далекий шум Академии за стенами. Огонь внутри все еще тлел, но уже не рвался. А где-то совсем рядом – спокойное, ровное присутствие Кайдена, от которого почему-то было легче не срываться.

Кайден

Когда дверь за Эларой закрылась, я остался в зале один.

Свет погас почти сразу – я сознательно убрал его, оставив только тусклые кристаллы в углах. Вода еще держалась на полу мелкими лужицами и медленно стекала к стокам. Одежда на мне почти высохла, но холод от собственной магии все равно пробирал до кожи.

Я сел прямо на камень, закрыл глаза и попытался сделать то, что только что объяснял ей. Медитацию. Ровное дыхание. Отпустить напряжение. Вернуть контроль.

Не вышло.

Потому что контроль я потерял намного раньше.

Еще в том коридоре.

Когда Седрик Валлен – сын мелкого, но очень самодовольного дома, со своими прихвостнями – улыбались и говорили про тень, про старую историю и про то, что Вейн «компенсирует семейную слабость». Я стоял в нескольких шагах и уже видел, как свет внутри меня становится слишком острым. Как вода собирается в ладонях тяжелым, холодным комом. Еще мгновение – и я был готов впечатать его наглую рожу в каменный пол. Не магией. Руками. Просто чтобы улыбка наконец слетела и больше не возвращалась.

Я остановился. Едва.

А потом, за углом, когда она прижалась спиной к стене и руки у нее дрожали... я не выдержал. Обнял. Впервые. Без плана, без разрешения, без привычного взвешивания последствий.

В ту секунду свет и вода ударили по всем органам чувств сразу. Ее эмоции ворвались слишком ярко, слишком плотно: яростная попытка вернуть контроль, злость, глубокая обида, страх навредить, тяжелая, липкая вина. Все это обрушилось на меня одновременно, оглушило, и единственное, чего я хотел в тот момент – спрятать ее. Убрать из этого коридора, из чужих взглядов, из всей этой ядовитой атмосферы. Просто закрыть собой.

Именно поэтому предложение заниматься отдельно вырвалось само. Внезапно. Без привычных суток на размыш-

ления. Без списка рисков. Я привык все планировать. Взвешивать. Давать себе время. А тогда просто сказал – и все.

На тренировке я поймал ее срыв. Понял, где именно проходит граница ее контроля – тонкая, горячая, опасная линия, за которой огонь перестает быть инструментом и становится почти живым. Я сделал то, что должен был: погасил. Но только после, когда уже стоял мокрый и все еще чувствовал ее тепло на ладонях, до меня дошло. Я мог сделать иначе. Спокойнее. На расстоянии. Просто поднять воду вокруг нее плотным куполом и сбить пламя без единого прикосновения.

Тело сработало раньше мозга.

Одна мысль сейчас чуть успокаивала: она не оттолкнула. Ни в коридоре, ни здесь. Наоборот – будто позволила держаться крепче. На секунду даже выдохнула так, словно ей стало легче. Хотя, скорее всего, это ничего не значило. Она весь день была на грани. Любое устойчивое тепло могло показаться спасением.

И все равно...

Меня накрыло волной жгучего смущения и стыда. За несдержанность. За то, что позволил себе слишком много. За то, что наставник, который учит контролю, сам дважды за один день действовал импульсивно.

Я поднялся.

Одежда уже почти высохла, но я снова вызвал воду – на этот раз острую, боевую. Тонкие хлесткие потоки, плотные

щиты, резкие режущие грани. Бил ими по учебным манекенам в углу зала, снова и снова, пока мышцы не начали гореть, а дыхание не стало тяжелым. Свет держал на коротком поводке, не позволяя ему вспыхивать слишком ярко.

Я работал до глубокой ночи.

Пока дверь не скрипнула и на пороге не появилась пожилая уборщица с ведром и усталым лицом.

– Молодой господин, – сказала она сухо, – зал закрывается. Идите спать. Пол я и так отмывать буду до утра.

Я остановился. Посмотрел на разводы, мелкие лужицы и следы от боевых потоков. Потом снова поднял воду – на этот раз мягкую, широкую, почти хозяйственную. Провел ею по камню быстро, но тщательно, собирая грязь, пепел и остатки магии в один плотный ком, который затем вытолкнул прямо в сток у стены.

– Извините, что задержал.

Уборщица пару секунд смотрела на чистый камень, потом на меня, и только хмыкнула. Не то чтобы благодарно, но уже без прежнего раздражения.

Я погасил остатки воды, коротко кивнул и вышел.

В коридоре было тихо и темно. А внутри все еще шумело.

Глава 8. За одним столом

Официальный месяц наставничества закончился тихо, без объявлений и торжественных речей. Просто в один из дней списки на обновились, и напротив наших имен больше не стояло «под руководством Кайдена Торна». Формально мы стали обычными первокурсниками. Без опеки.

Только Кайден, похоже, этого не заметил.

Он продолжал ждать нас в малом зале после основных занятий. Продолжал разбирать ошибки, показывать короткие, удобные приемы для отработки навыков. А со мной – занимался отдельно. Все так же требовательно, все так же спокойно. Только теперь между нами установилась какая-то незримая связь.

Тренироваться и медитировать с ним стало легко. Не в плане простоты упражнений – те оставались жесткими и точными. А в другом смысле. Рядом с ним появлялось странное, почти уютное ощущение правильности.

Мы могли шутить. Однажды, после того как я в третий раз подряд идеально провела огненный поток по сложной траектории, Кайден стоял скрестив руки и с совершенно серьезным лицом сказал:

– Если так пойдет дальше, придется писать на тебя донос. За нарушение естественного порядка вещей. Провинциалка не имеет права быть такой стабильной.

Я не удержалась и фыркнула.

– Тогда уж пишите сразу два. Второй – за то, что сын главы Совета тратит вечера на обучение этой самой провинциалки вместо полезных светских бесед.

Он чуть приподнял бровь.

– Светские беседы меня быстро старят. А ты хотя бы иногда пытаешься сжечь зал. Это бодрит.

– Я ни разу не пыталась сжечь зал!

– Пока, – уточнил он. – И то только потому, что я успеваю вовремя тебя остановить.

Я засмеялась в голос. И он тоже – коротко, низко, но совершенно искренне. Смех прозвучал неожиданно тепло в пустом зале и сразу сделал пространство меньше и безопаснее.

Мы могли быть серьезными. После одного из рейтингов мы задержались в зале дольше обычного. Я сидела на краю каменной скамьи, все еще чувствуя в ладонях остаточный жар, а Кайдэн стоял напротив с учебным кристаллом в руках. На кристалле слабо светилась запись моего потока – тонкая оранжевая линия, которая в одном месте едва заметно дрогнула.

– Вот здесь, – он указал пальцем. – Боковой удар. Ты не потеряла форму полностью, но плотность просела. На долю секунды. Кристалл это зафиксировал.

Я кивнула. Помнила это ощущение – резкий внешний толчок и инстинктивное желание сжать огонь сильнее, чем нуж-

но.

– Я испугалась, что не удержу, – честно сказала я. – И вместо того чтобы провести давление сквозь поток, вжала его внутрь.

Кайден присел напротив, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Говорил спокойно, без снисхождения.

– Это классическая ошибка сильных огненных. Вы слишком привыкаете давить. А давление снаружи нельзя перебивать своим давлением – получается столкновение. Нужно сделать поток чуть... гибче. Не слабее. Именно гибче. Как раскаленный металл, который под ударом молота не трескается, а принимает форму.

Он поднял над ладонью тонкий световой контур и рядом – едва заметную водяную пленку.

– Смотри. Удар идет сюда. Если я укрепляю свет в лоб – будет вспышка и потеря. Если я позволяю воде на мгновение принять силу удара и распределить ее по поверхности – свет остается целым.

Я смотрела внимательно. Потом медленно повторила его слова:

– Значит, не сопротивляться напрямую, а провести?

– Именно. В следующий раз, когда почувствуешь боковой импульс, не сжимай огонь. Чуть отпусти верхний слой и дай ему обтечь удар. Плотность ядра при этом держи. Попробуем сейчас.

Мы встали. Он дал несколько коротких, точных световых

толчков с разных сторон. Я ошибалась дважды. На третий раз поток дрогнул, но не просел. На четвертый – удержал форму почти идеально.

Могли спорить о рунах.

Однажды вечером, разгребая стопку старых учебных свитков, мы застряли на связке для усиления базового щита. Кайден разложил на столе классическую схему – пять рун в строгом порядке, с двумя страховочными петлями.

– Это проверенный вариант, – сказал он спокойно. – Стабильный, предсказуемый. На рейтинге не подведет.

Я покачала головой и достала из сумки собственный, уже изрядно затертый листок. Когда-то давно, еще в архивах за стеной Редстоуна, я нашла фрагмент с укороченной версией.

– А если убрать вторую петлю и сместить связующую руну сюда? – я провела пальцем по бумаге. – Поток замыкается быстрее. Меньше расхода силы. В кузнице на слабых кристаллах это работало.

Кайден нахмурился. Взял мой листок, долго смотрел, потом поднял глаза.

– Быстрее – да. Но ты теряешь запас прочности. При сильном внешнем ударе щит может сложиться именно в этом месте.

– Не сложится, если ядра держать плотнее, – возразила я. – Я проверяла.

– На слабых кристаллах, – напомнил он. – Здесь давление другое.

Мы спорили почти полчаса. Он рисовал на воздухе световые схемы, я поправляла их огненными линиями. Иногда наши потоки пересекались и вспыхивали мелкими искрами. Кайдэн стоял на своем. Я – на своем. Пока в какой-то момент он вдруг замолчал, глядя на обе схемы сразу.

– Подожди, – сказал он медленно. – А если взять твою укороченную основу, но вернуть одну страховочную петлю... только не сверху, а сбоку?

Я наклонилась ближе. Посмотрела. И почувствовала, как внутри щелкает понимание.

– Тогда поток не теряет скорость, но получает дополнительную точку распределения удара...

– Именно.

Мы оба замолчали. Потом почти одновременно потянули чистый лист. Кайдэн чертил основную конструкцию, я быстро вписывала связующие знаки. Через несколько минут на столе лежала третья схема – короче классической, устойчивее моей старой версии и заметно изящнее обеих.

Кайдэн откинулся назад и устало провел ладонью по лицу.

– Ладно. Твой свиток оказался полезнее, чем я думал.

Я не смогла сдержать короткую улыбку.

– А ваша классика все-таки не дала щиту развалиться на первой же проверке.

Он чуть качнул головой, но уголок рта все-таки дрогнул.

В такие споры мы втягивались легко. И почти всегда выходили из них не с победой одного, а с чем-то новым – об-

щим.

А иногда просто молчали. Сидели на каменном полу после медитации, и этого молчания хватало. Он чуть приподнимал бровь – и я понимала, что он заметил остаточное напряжение в плечах. Я коротко взглядом указывала на его запястье, где после долгой работы со светом иногда оставался едва заметный тремор, – и он едва заметно кивал, признавая. Иногда наши взгляды встречались слишком долго, и оба одновременно отводили глаза, будто пойманные на чем-то лишнем. А иногда, наоборот, смотрели прямо и спокойно, и в этом молчании уже не было неловкости. Только тихое, точное понимание: я здесь. Ты тоже. И этого достаточно.

Это было новое и очень опасное чувство. Потому что к такому спокойствию рядом с кем-то начинаешь привыкать слишком быстро.

В середине второго месяца обучения Академия начала готовиться к Балу Лунного Рассвета.

Бал Лунного Рассвета устраивали в самую длинную ночь года, когда зима доходила до своего пика. Традиция шла еще от Аурелии Светлой – она верила, что даже в самую темную ночь нужно встречать новый цикл светом. Это было не просто торжество. Это было своеобразное посвящение. Официальное признание того, что первокурсники больше не гости, а часть этого места.

Готовились все.

Старшие курсы отвечали за украшения и организацию.

Белый камень главного зала затягивали серебристыми тканями, которые мягко светились сами по себе. Под потолком развешивали живые огоньки — маленькие сферы чистого пламени, заключенные в тонкие стеклянные оболочки. Их создавали совместно огненные и световые студенты. Воздушные отвечали за то, чтобы ткани и гирлянды двигались едва заметно, создавая ощущение дыхания. Земляные укрепляли конструкции. Водные следили, чтобы в фонтанах во внутренних дворах вода отражала лунный свет особенно чисто.

Первокурсников тоже привлекали. Нас делили на группы: кто-то помогал носить ткани, кто-то протирал хрусталь, кто-то размечал места для оркестра. Преподаватели ходили между нами, проверяли, поправляли, иногда просто молча наблюдали. Каэла Ринн появилась однажды с ящиком учебных кристаллов и заставила половину огненных отрабатывать тонкий контроль жара, чтобы огоньки под потолком не перегревались. Магистр Восс лично проверял списки и ворчал, что «праздник — это тоже дисциплина».

И была еще одна традиция.

Каждый год кто-то из первокурсников должен был выступить на Балю. Небольшой номер — песня, танец, игра на инструменте, магическая демонстрация. Чаще всего это делали девушки из благородных домов. Их с детства учили держать спину, улыбаться и показывать таланты. Выступление считалось честью и одновременно проверкой: умеешь ли ты

не только держать поток, но и быть частью этого сверкающего мира.

В этом году имя уже определили. Выбрали Эвелин Мартен – девушку из старого и очень богатого столичного дома. Еще до Академии она успела занять призовые места на нескольких столичных конкурсах и неоднократно выступала на небольших благотворительных концертах. О ней говорили спокойно и уверенно: голос поставленный, манеры безупречные, привычка к сцене есть. Для большинства это был самый логичный и безопасный выбор.

А вместе с суетой и разговорами о предстоящем празднике по Академии ползли совсем другие разговоры.

Сначала тихо. Потом все громче.

Я, оказывается, «бегаю» за Кайденом Торном. Нашла выгодный вариант вытащить себя из грязи и нищеты. А слишком правильный и благородный сын главы Императорского Совета просто не может отказать несчастной провинциалке. Он жалеет. Она пользуется. Классика.

Впервые я услышала это в библиотеке. Две девушки стояли между стеллажами и даже не особенно понижали голос:

– Ну конечно. Такая целеустремленная. Сначала в Академию пробилась, теперь вот... к Торну прибилась. Умно.

Вторая тихо засмеялась:

– Бедная девочка из кузницы. Другого способа подняться, видимо, не нашла.

Я стояла за поворотом и чувствовала, как огонь поднима-

ется к горлу тяжелым, тошным жаром. Стыд ударил первым – горячий, липкий, за происхождение, за старую форму, за то, что вообще пришлось сюда пробиваться. Сразу за ним пришла злость. Глухая, плотная. Все, что я делала – ночи над свитками, контроль, рейтинги, работа до дрожи во всем теле – в чужих устах превращалось в дешевую схему «охоты за выгодной партией».

Злость была и на саму себя. За то, что вообще позволила этому стыду подняться. Я всегда гордилась своими родителями. Гордилась тем, как они жили — честно, в любви и тихой гармонии друг с другом. Отец до поздней ночи стоял у горна, мать лечила соседей простыми настоями и никогда не жаловалась. В нашем доме было тепло, которого мне до сих пор не хватало в этих сверкающих коридорах. И сейчас чужие голоса умудрились на мгновение заставить меня устыдиться именно этого. Именно их.

А еще был страх. Тихий, противный. Что Кайдэн услышит. Что ему станет неприятно. Что он начнет держать дистанцию, чтобы «не давать поводов». Я не хотела его терять.

Пришлось честно признаться себе: мысли о нем уже давно поселились глубже, чем следовало. Не только как о наставнике. Не только как о человеке, который учит. Я ловила себя на том, что ищу его взглядом в коридорах, что запоминаю, как звучит его смех, что после особенно тяжелых дней именно его спокойное «еще раз» почему-то возвращало опору быстрее любых медитаций. И сейчас, слушая чужую ядо-

витуую болтовню, я по-настоящему испугалась: а вдруг из-за этих слухов он сам решит, что дальше так нельзя.

Кайден злился. Я видела это по тому, как свет вокруг него становился чуть резче обычного, когда кто-то слишком явно смотрел в нашу сторону. По тому, как он коротко, почти рублено отвечал на чужие «заботливые» вопросы.

А потом наступил тот обед.

Я сидела за нашим обычным столом с Мирой, Эдриком, близнецами, Селиной и Томасом. Разговор шел тихий, привычный. О рейтингах, о том, кто какие ткани таскал для зала, о том, что Вивиенна Астория сегодня весь день ходила особенно молчаливая.

И вдруг рядом раздался легкий шорох.

Кайден поставил поднос на стол и сел. Просто сел. Как будто делал это каждый день.

На несколько секунд за столом повисла абсолютная тишина. Эдрик даже забыл закрыть рот. Я смотрела на Кайдена и чувствовала, как внутри все останавливается.

Он окинул нас спокойным взглядом, внимательным, почти изучающим. Потом уголки его губ чуть дрогнули, и он улыбнулся. Не своей обычной сдержанной полуулыбкой, а настоящей, теплой. Такой, какую я раньше видела только в пустом зале после особенно удачной тренировки.

В полной тишине столовой отчетливо звякнула упавшая где-то ложка.

– Так и будем молчать? – спросил Кайден совершенно

непринужденно, поддевая вилкой тушеные овощи. – Или все-таки расскажете, кто на этот раз чуть не уронил любимую хрустальную вазу магистра Восса в главном зале?

Эдрик первым опомнился и тихо выдохнул:

– Это... был не я.

– Почти ты, – тут же уточнила Мира, и в ее голосе уже проскальзывал привычный сухой юмор. – Ты только воздух вокруг нее разогнал.

– Зато ваза устояла, – гордо заметил Эдрик. – Это достижение.

Кайден коротко хмыкнул.

– За достижение можно и добавки получить. Если, конечно, Томас снова не заберет все мясные пирожки по праву самого сильного.

Томас медленно поднял взгляд и совершенно серьезно произнес:

– Я беру только лишние.

За столом наконец раздался настоящий смех – тихий, но живой. Разговор вспыхнул так естественно, будто мы сидели вместе не первый месяц. Близнецы начали спорить, какой именно огонек под потолком сегодня мигал подозрительно. Селина робко спросила, можно ли на Бал надеть простую ленту вместо сложных украшений. Кайден отвечал спокойно, иногда подкидывал короткие замечания, и с каждой минутой напряжение вокруг нашего стола становилось все заметнее. Соседние столы притихли.

Через несколько мгновений к нашему столу подошел еще один человек.

Тот самый парень, чей огонь почти задел Селину на общей практике. Высокий, с темно-русыми волосами. В глазах все еще читалась та самая искренняя неловкость. Он остановился рядом с Селиной, чуть сжал поднос и спросил негромко: – Можно?

Селина моргнула и тихо кивнула.

Он сел, поставил поднос и только после этого чуть неловко прокашлялся.

– Кассиан Дрейк. Второй курс. Огонь... и немного воздуха.

Он не стал называть титул. Просто имя и аффинитеты. Но я уже слышала это имя раньше. Кассиан Дрейк – единственный наследник герцога Дрейка, одного из старейших и самых влиятельных домов на западных границах. Семья славила боевыми магами огня и редкой способностью добавлять к пламени воздушную остроту.

Кассиан взял со своего подноса несколько небольших пирожных с темно-ягодной начинкой и молча переложил их на край тарелки Селины. Уши у него слегка покраснели.

– В тот раз... на практике, – тихо сказал он, глядя скорее в стол, чем на нее. – Я должен был лучше контролировать. Извини.

Селина смотрела на пирожные, потом на него, потом снова на пирожные. И впервые за долгое время открыто улыба-

нулась, поле чего уши Кассиана покраснели отчетливее.

– Ничего, – прошептала она. – Никто не пострадал.

Кассиан чуть кивнул и после небольшой паузы добавил совсем тихо:

– Если... если снова будет сложно с вазами или с огоньками – могу помочь. У меня воздух как раз для тонкой работы подходит.

Селина моргнула и еще тише ответила:

– Хорошо. Спасибо.

Кайден смотрел на Кассиана чуть дольше, чем обычно смотрел на остальных. Пристально, спокойно, будто взвешивал, проверял на искренность и искал следы скрытых мотивов. Потом едва заметно кивнул — скорее себе, чем ему, — будто принимал еще один кирпичик в нашу общую защиту и одновременно закрывал тему.

За столом снова стало шумно. Уже по-настоящему. Как будто невидимая граница, которая все это время отделяла нас от остальной столовой, вдруг стала чуть менее важной.

Но я чувствовала спиной скрытое недовольство. Оно шло от столов, где сидели наследники крупных домов. Не открытое. Не громкое. Но плотное, тяжелое. Сын главы Совета сел с провинциалами. А теперь еще и один из «своих» открыто поддержал это. Для кого-то это было предательством негласных правил.

Вивиенна сидела через несколько столов. Я случайно поймала ее взгляд. В янтарных глазах не было злости. Было что-

то другое – сложное, почти болезненное. Похожее на зависть, страх и сожаление.

А у меня внутри было странное двойственное чувство: тепло от того, что Кайден сделал, и легкий страх последствий. Потому что такие жесты в Академии никогда не оставались без ответа.

Вивиенна

Я сидела за своим столом и делала вид, что слушаю, как Летиция в сотый раз обсуждает ткани для бала. На самом деле я смотрела туда.

На их стол. Когда Кайден просто взял и сел к провинциалам, в столовой на секунду стало слишком тихо. А потом он улыбнулся. Улыбнулся! На моей памяти впервые в жизни. И через минуту за тем столом уже разговаривали так, будто сидели вместе всю жизнь.

Я сжала пальцами край салфетки. Мне было завидно.

Не им – тому, что они сидят рядом с ним. А парням. Тому, что у Кайдена и теперь еще у Кассиана хватило смелости просто подойти и сесть. А у меня – нет. И дело было даже не в гордости. Я слишком хорошо помнила собственные слова. Все эти ядовитые фразы, легкие уколы, взгляды сверху вниз. Я сама приложила руку к тому, чтобы этой группе было тяжелее. И теперь, когда они наконец получили нормальную защиту и спокойное место за столом, мне было одновременно стыдно и страшно. Страшно подойти и получить в ответ вежливое, но твердое «нет». Или, еще хуже, молчание.

Я отпила воды и снова скользнула взглядом к ним.

Кассиан Дрейк сидел рядом с этой тихой, хрупкой и светлой девочкой, и выглядел так, будто его сейчас можно сдуть одним хорошим порывом ветра. Уши красные, плечи чуть напряжены, а на ее тарелку он уже успел перетащить лучшие пирожные.

Я чуть усмехнулась про себя.

Моя младшая сестра может наконец выдохнуть. Родители Кассиана уже почти год осторожно зондировали почву насчет возможного союза, и сестра ходила нервная каждый раз, когда заходил разговор о «подходящих партиях». Теперь, глядя на то, с каким упрямым смущением наследник герцога Дрейка смотрит на Селину, я почти не сомневалась: очень скоро он сядет перед родителями и спокойно, по пунктам объяснит, почему невеста будет совершенно другой. Милой. Тихой. Совсем не из нашего круга.

Потому что Кассиан только с виду мягкий. Когда он ставит себе цель, просыпаются гены примерно десяти поколений упрямых Дрейков. Без самодурства, без истерик – просто железобетонная позиция и аккуратные, неотразимые аргументы. А родители его слушали. Всегда. Им действительно было важно его счастье, а не удобные политические схемы.

Я отвернулась и снова сделала вид, что мне очень интересно, какой длины будут шлейфы на балу.

А внутри все равно оставалась тихая, неприятная зависть. Не к Селине. Не к Эларе. А к той легкости, с которой неко-

торые люди просто садятся за чужой стол – и их принимают.

Кайдэн

Я сидел за их столом и чувствовал, как пространство вокруг постепенно меняется.

Еще минуту назад столовая гудела привычным шумом. Теперь разговоры стали тише, взгляды – тяжелее, а воздух будто сжался. Кто-то слишком быстро отвернулся. Кто-то, наоборот, смотрел в упор. Я продолжал есть, будто ничего особенного не произошло. Хотя произошло.

Причина была простой и одновременно совсем не простой.

Я видел, как день за днем вокруг моей группы сжимается кольцо. Не открытое. Грязное. Подмены, «случайные» записки, ядовитые фразы, лопнувшие кристаллы. Я гордился ими. По-настоящему. Они не ввязывались. Не отвечали криком, не вспыхивали магией, не давали повода превратить себя в «агрессивных провинциалов, которые не умеют себя вести».

Элара отвечала так точно, что иногда хотелось записать ее формулировки. Мира молчала с достоинством царей. Томас смотрел прямо. Остальные не сыпались. Они вели себя так, будто настоящий аристократизм – это не имя и не деньги, а способность не опускаться до чужой грязи. И были правы. Но я слишком хорошо понимал траекторию. Сегодня – кровь на ладони. Завтра – срыв на рейтинге. Послезавтра – то, что уже нельзя будет замять.

А потом поползли слухи.

Про Элору.

Что она «бегает» за мной. Что нашла удобный способ вытащить себя из провинциальной нищеты. Что я, слишком правильный и слишком мягкотелый, просто не могу отказать несчастной девочке. Жалею. Позволяю использовать себя.

Злость была тяжелой, плотной, почти физической. Не потому что задевали меня. А потому что задевали ее. Сводили все, что она делала – бесконечные тренировки, работу, контроль, упрямство, ум – к дешевой схеме «бедная девочка охотится за выгодной партией».

Оправдываться было бессмысленно. Любое «это не так» только подлило бы масла.

Можно было официально пожаловаться. Но жалобы на «атмосферу» и «неудобные шутки» в Академии заканчивались ничем, особенно если замешаны дети советников. Можно было припугнуть нескольких зачинщиков лично. Свет хорошо умеет делать лица слишком открытыми, а воду я мог использовать, чтобы человек на время почувствовал себя крайне неудобно. Но это было бы ударом в спину. И хуже – это сделало бы мою группу мишенью уже не для мелких пакостей, а для настоящей мести.

Можно было просто усилить защиту. Больше присутствовать. Больше контролировать. Но официальный месяц наставничества закончился. Формально они уже не были «моими». А я чувствовал, что отпускать их сейчас – все равно

что вытолкнуть в открытое море без лодки.

Поэтому я выбрал другое.

Не объявлял. Не произносил речей о защите и близком круге. Просто сел рядом и своим присутствием говорил всем остальным ровно столько, сколько было нужно: эти люди – мои. Трогать их дальше будет дороже, чем кажется.

Пусть смотрят. Пусть шепчутся. Пусть делают какие угодно выводы.

Мне было все равно, что они думают обо мне. Мне было не все равно, что они пытаются сделать с ней и с остальными.

Поэтому я сидел за этим столом и пил чай. Как будто это было самым естественным делом на свете.

Эта семерка перестала быть обязанностью. Они стали своими. Почти семьей. И я не собирался позволять кому-либо ломать то, что хотел защищать.

Иллюстрации к главе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.